

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Таругин

ДЕСАНТНИК

ИЗ БУДУЩЕГО — В БОЙ!

Десантник из будущего

Олег Таругин

Десантник. Из будущего – в бой!

«Махров»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Таругин О. В.

Десантник. Из будущего – в бой! / О. В. Таругин — «Махров»,
2016 — (Десантник из будущего)

ISBN 978-5-699-85099-0

«С неба — в бой!» — сержант разведроты ВДВ верен этому девизу Воздушно-десантных войск даже в далеком прошлом. «Из будущего — в бой!» — заброшенный в 1941 год, наш современник не раздумывая открывает огонь по гитлеровцам. «Никто, кроме нас!» — когда Красная Армия истекает кровью под ударами Вермахта, когда в воздухе господствуют асы Люфтваффе, дороги забиты разгромленными колоннами советской техники, а немецкие танковые клинья прут на восток — ДЕСАНТНИК из будущего стоит насмерть. Ведь даже один боец способен изменить ход истории!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85099-0

© Таругин О. В., 2016
© Махров, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Олег Таругин

Десантник. Из будущего – в бой!

© Таругин О., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Автор считает своим долгом напомнить, что описанные в книге события в определенной степени выдуманы и не имеют ничего общего с событиями реальной истории. Действующие лица романа также вымышлены, и автор не несет никакой ответственности за любые случайные совпадения.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В Вихре Времени» (forum.atahrov.ru). Отдельная благодарность Борису Каминскому (Синицыну), Борису Батыришину, Александру Кулькину, Константину Щелкову, Александру Шуракову, Евгению Попову, Дмитрию Беспомесных за конструктивную критику и помощь в работе над книгой. Спасибо большое, друзья!

Пролог

Немцы пристрелялись на третьем снаряде и дальше лупили уже прицельно и с завидным постоянством. Фугасы падали каждые несколько секунд, необходимых гитлеровским артиллеристам на перезарядку, тяжело сотрясая землю, и каждый новый взрыв отзывался в груди неприятным еканьем внутреннего акустического удара. Слух Леха практически потерял после первого же близкого разрыва, но так оказалось даже лучше: уж больно муторно слышать журчание очередного падающего снаряда, летящего, казалось, прямо в тебя. Окопы и стрелковые ячейки рубежа обороны густо затянуло дымно-пыльным маревом. Метрах в ста правее что-то чадно горело, выбрасывая вверх столб перевитого дымом жаркого пламени, видимо, фугас угодил в один из укрытых в капонирах легких танков. Стенки пулеметной ячейки дрожали, осыпаясь вниз ручейками иссушенной солнцем глины; порой по спинам сжавшихся в комочки на дне людей болезненно колотили выдранные тротилом комья земли. Дышать было трудно, ноздри забивала пыль и воняющий тухлой кислотой дым сгоревшей взрывчатки. Сколько времени продолжался артналет, он не знал – разумом Степанов понимал, что всего несколько минут, однако подсознание отчаянно вопило, что он ошибается и этот огненный кошмар длится уже долгие часы.

Очередная стопятимиллиметровая граната, судя по ощущениям, разорвалась совсем близко – утрамбованная подошвами ботинок земля особенно сильно подбросила лежащих бойцов, сползший с бруствера пласт глины тяжело привалил ноги от колен и ниже, а на спину вылинявшей до белизны гимнастерки и летного комбеза щедро сыпнуло мелкими комьями. Где-то по самому краешку сознания скользнула паническая мысль: «Вот завалит сейчас на фиг, и все, приехали, если и найдут, то поисковики лет через семьдесят. И ведь не опознают, как опознать, если у него даже смертного медальона нет. Так и будет числиться пропавшим без вести что в этом времени, что в родном будущем. Зато уж как их мобильник и китайский светодиодный фонарик среди костей удивят, не то слово». Однако по-настоящему испугаться ни Леха, ни летун не успели: обстрел закончился. Внезапно наступившая тишина оказалась, как описывалось подобное в читанных в юности книгах «про войну», поистине звенящей: аж оглохшие уши заломило, словно в резко снижающемся самолете. Смотри-ка, не ввали, стало быть, писатели! Очень даже похоже, реально так звенит, словно новогодняя петарда рядом бахнула или взрывпакет в замкнутом помещении рванул.

Алексей потряс короткостриженной головой и приподнялся на локтях. Подтянул колени, высвобождая ноги. Со спины стекали потоки осыпавшейся сверху земли, и в заполненном пылью и дымом окопчике сразу стало трудно дышать. Десантник тяжело сел, привалившись спиной к стене, и стянул с гудящей головы пыльную каску, окрасившуюся в светло-коричневый глинистый цвет. Рядом зашевелился, поднимаясь на карачки, Борисов. Живой, стало быть, отлично. Блин, даже сил радоваться, что уцелели, нет! Несколько секунд товарищи просто сидели, очумело хлопая глазами и не веря, что все закончилось, затем мучительно закашлялись, сплевывая под ноги вязкую коричневую слюну. Вот же дерьмо! Когда-то Леха слышал, что нет ничего страшнее, чем попасть под минометный обстрел. Ну, хрен его знает, может, оно и так, но в артиллерийском налете тоже ничего хорошего нет, теперь он в этом абсолютно уверен. И сравнивать, что хуже, а что лучше, он – тьфу-тьфу – не собирается.

С трудом расстегнув непослушными пальцами тугую пуговку, парень вытянул из чехла фляжку. Открутить крышечку удалось с третьей попытки – руки ходили ходуном, алюминиевое горлышко стучало по зубам, проливая воду на подбородок и грудь. Сделав наконец несколько глотков теплой, пахнувшей флягой воды, Леха протянул емкость товарищу, наткнувшись взглядом на Васькину винтовку. Трехлинейка стояла там, где летун ее и оставил перед началом обстрела, – под стеной ячейки. Блин, если пылюка в ствол набилась, а она просто не

могла не набиться, стрелять из нее сейчас – чистое самоубийство. Это только в кино герои лихо воюют оружием, где даже на камеру виден напрочь забитый землей ствол, а в реальности или глаз лишишься, или ленивых пальчиков, не потрудившихся оружие вычистить. Да и затвор неслабо запорошило, все одно чистить нужно, «треха», конечно, оружие надежное, но не до такой же степени, все ж таки не старый добрый «калашников», которому пыль глубоко пофиг. А когда этим заниматься, спрашивается, если фрицы вот-вот попрут? Как-то он это совсем из внимания упустил, нужно было приглядеть за товарищем, пехотинец из пилота пока что аховый. Хорошо, хоть пулемет догадался трофейной плащ-палаткой укрыть. Кстати, где он?

Ухватившись за край присыпанной глиной камуфлированной ткани, Степанов поднял ее, стараясь не сильно пылить. Бегло осмотрел «эмгэ» – ну, тут все в порядке, пулемет как новенький, можно стрелять. Вернувшись на место, пихнул в бок Борисова:

– Ты как, летун? Живой?

– Живой, – громко сообщил тот, зачем-то растирая ладонями уши. – Слышу только плохо.

– Так я ж тебе говорил, дурень, уши ладонями зажди, а рот раскрой пошире. Ты зачем руками каску обхватывал? Думал, это от осколка защитит? Или боялся, что краску поцарапает и некрасивым похоронят?

– Леша, ну ты ж обещал поменьше шутить? – скривился тот. – Снова начинаешь?

– Молчу-молчу, поскольку вину свою осознал всецело и... ну, короче, просто осознал и ужасно раскаиваюсь. Как говорят французы, миль вам пардон с кисточкой. Ладно, харе сидеть, помоги пулемет установить. И лопатку откопай, вон там она где-то, бруствер подправим.

Вдвоем установили и снарядили «МГ-34». Комбат не обманул, среди трофеев нашлась коробка с лентой на двести пятьдесят патронов, так что на первое время боеприпасы имеются. Плюс еще тот короб, что он у мотоциклистов затрофеил, считай, еще полсотни патронов. Ну, вроде все, можно воевать.

– Степанов! Борисов! – прорвался сквозь ватную глухоту голос ротного, голова которого спустя миг показалась над окопчиком. – Оглушило, что ль, бойцы? Я ору-ору... уж думал, того, накрыло или землей завалило. Приполз вот глянуть.

– Целы мы, тарщ лейтенант! – жизнерадостно проорал Леха.

– Ладно, не ори, сам вижу, что оглушило. Уже и пулемет установили? Ай, молодцы! Борисов, это еще что такое?! Ты как за личным оружием смотришь? Под трибунал захотел? А ну винтовкой займись, вся запылилась, немцы вот-вот в атаку пойдут! И это, не дрейфьте, бойцы, прорвемся! Командование обещало, что одних не оставит, так что будет подкрепление, обязательно будет. Нам главное – германца сейчас задержать, пока резерв подойдет, а там уж и погоним гадов обратно! Все, бывайте, пойду остальных обойду, кого успею. – Голова лейтенанта скрылась за насыпью. Леха горько усмехнулся: «погоним гадов», как же! Нет, погнать-то погоним, разумеется, это без вариантов, вот только отнюдь не сейчас. Правда, ротному об этом знать не нужно, еще обвинит в пораженческих настроениях.

Тяжело вздохнув, бывший сержант российских воздушно-десантных войск Алексей Степанов, ныне числящийся «сержантом Алексеем Степановым, обученным, документы утеряны в ходе боевых действий», кивнул товарищу на запорошенную рыжеватой пылью винтовку. О том, что на чистку оружия Василию может просто не хватить времени, отпущенного немецкими командирами до начала атаки, он старался не думать вовсе. Да и толку-то от «трехи», коль танки попрут? Даже ежели бронебойно-зажигательными лупить? Разве что по щелям и смотровым приборам целиться.

Скорчив страдальческую гримасу, летун потянулся к трехлинейке. А вот не нужно морщиться, сам виноват! Мучайся теперь.

– Ладно, Вась. – Слух понемногу возвращался, и уже можно было не орать. – Брось ты свой дрын, пользы от него в нашей ситуации. Потом почистишь, коль время останется. Грана-

тами лучше займись, как раз на одну связку хватит, как лейтенант и говорил. Только покрепче приматывай, видел, как я с немецкими делал? Держи бечевку.

Благодарно взглянув на товарища, Борисов с готовностью отставил в сторону винтовку и разложил перед собой выданные ротным «РГ-33». Открутив от трех гранат рукоятки, он коряво, но крепко примотал их шнуром от трофейной маскировки к четвертой, с запалом. Потряс получившейся связкой, убеждаясь, что в броске она не развалится, и вопросительно взглянул на бывшего десантника.

– Нормально, – хмыкнул Степанов. – Не первый сорт, но сойдет. Как пользоваться, помнишь?

– Обижает, – вскинулся Василий.

– Повторение – мать учения! – наставительным тоном сообщил Леха, делая соответствующее моменту выражение лица. Не рассказывать же луну, что подобные гранаты он только в музее и кино видел и понятия не имеет, как ими пользоваться. – Давай рассказывай матчасть.

– Ладно... В настоящий момент граната снаряжена запалом и готова к бою. Для метания и взрыва необходимо перевести предохранительный движок влево до упора, сделать энергичный замах, чтобы произошло срабатывание ударно-предохранительного механизма, и бросить в цель. – Василий определенно цитировал по памяти какое-то наставление или методичку. Ну, да, разумеется, куда родной армии без этого! На том и стоим!

– А если невозможно сделать этот самый, как ты там сказал? Энергичный замах?

– Тогда можно либо сильно встряхнуть гранату, метнув в цель после накола капсуля-воспламенителя, либо установить при приведении в боевое положение и взведении внешнюю трубку в среднее положение.

Поскольку Леха понятия не имел, что это еще за такая «внешняя трубка» и за каким, собственно, фигом ее нужно ставить в «среднее положение», он поспешил свернуть разговор. Блин, ну зачем такие сложности? Ведь есть же у предков старая добрая «эфка», неужто сложно изобрести еще что-нибудь вроде надежной, как топор, «РГД-5»? На аэродроме он даже с фрицевской «колотушкой» быстрее разобрался... правда, там инструкция имелась. Да уж, с таким знанием местной матчасти хрен он до конца боя доживет! Наматывает их Гудериан на гусеницы и не заметит. И дальше поперет, падла. А ведь как хорошо все начиналось! И аэродром разгромили, и ценного штабиста в плен взяли, и к нашим на трофейном самолете с триумфом, можно сказать, прилетели! И вот вам здарсьти: размажут их по этой глине в кровавую кашу, и все. Может, нужно было и на самом деле в тыл двигать, как комбат и предлагал?

«Так, а ну успокойся! – одернул он себя, мысленно выматерившись. – Чего разнылся-то? Подумаешь, полежал полчаса под артобстрелом. Сам же решил с бойцами остаться, едва «батю» уломал, под трибунал подставив, а теперь что, на попятную? Никогда трусом не был, так и сейчас не становись! Ты ж десантник, лучшим бойцом разведроты числился! А бывшей десантуры не бывает! «Никто, кроме нас», забыл?»

Самовнушение не помогло, поскольку внезапно проснувшийся внутренний голос скептически хмыкнул в ответ откуда-то из глубин подсознания:

«Ну, да, конечно, именно что «подумаешь»! В армейской учебке всех, разумеется, в обязательном порядке обучали правилам поведения под артиллерийским обстрелом из полевых гаубиц! И на полигоне обкатку проводили, в условиях, сука, максимально приближенным к боевым! А заодно учили, как отражать атаку немецкой пехоты при поддержке бронетехники, ага!»

В это мгновение Степанову стало невероятно стыдно – настолько, что он снова выругался, на сей раз в голос. Борисов, все-таки занявшийся чисткой оружия, удивленно взглянул на товарища, ожесточенно дергающего ни в чем не повинный пулемет:

– Леш, ты чего? Палец зашиб? Когда ты показывал, как ленту менять, я тоже едва кожу не защемил, очень уж там защелка хитрая.

– Нормально все, Вася. Нервы просто.

– Это да... – философски протянул летчик. – Сам никак не отойду, больно все быстро закрутилось. А знаешь...

Докончить фразу он не успел: со стороны немецких позиций взвилась, предвещая начало атаки, красная ракета. Спустя минуту глухо зарокотали десятки моторов, раздались приглушенные расстоянием выстрелы танковых пушек. Куцые султаны разрывов вставали далеко в стороне от рубежа обороны: целей в поднятом недавним артналетом пыльном мареве наводчики не видели, лупили просто так, ради устрашения...

Глава 1

Держись, геолог! Крепись, геолог!
С. Гребенников, Н. Добронравов

Как ни странно, стать профессиональным геологом Леха захотел еще в школе, классе эдак в восьмом. И с тех пор упорно шел к своей мечте. Сверстники, выросшие, как и он сам, в лихие бандитские девяностые, над ним откровенно подтрунивали, порой многозначительно вертя пальцем у виска, поскольку мечтали о совсем ином будущем: открыть свой бизнес, получить место менеджера в крутой компании, желательно иностранной, заниматься шоу-бизнесом, стать финансистом, моряком дальнего плавания или элитным стоматологом – ну, и так далее, список «желаний» был длинным и периодически обновлялся, следуя веяниям стремительно меняющегося времени. Что характерно, становиться военными, участковыми врачами, ментами или, к примеру, инженерами не хотел практически никто. Но Степанов все школьные годы оставался непоколебим, твердо решив после школы отслужить срочную и поступать на геологический факультет университета.

Почему именно геология? Причин столь нетипичного для его поколения выбора было, пожалуй, несколько. Точнее, две. Во-первых, Алексей был неисправимым романтиком, при первой же возможности срывавшимся вместе с парнями и девчонками из местного турклуба в походы разной продолжительности и дальности. Ради этой самой романтики «рюкзака и палатки» он даже гитару освоил, хоть особым музыкальным слухом никогда не обладал. Впрочем, для ночных посиделок у костра и трех разученных аккордов вполне хватало. Во-вторых, Лехе просто хотелось посмотреть своими глазами занимавшую целых два континента страну. Причем не просто покататься на туристическом автобусе по городам и весям, а увидеть своими глазами самые дальние и безлюдные уголки огромной Родины. Сибирскую тайгу, Алтай и Урал, Север и Дальний Восток. И работа в составе геологоразведывательной экспедиции подобное очень даже позволяла, причем за государственный кошт, что немаловажно. Семья Степанова не бедствовала, но и позволить себе кататься по заграничным турпоездам не могла: на дворе стояло самое начало «нулевых» годов. Да и не тянуло Алексея ни в содомистскую толерантную Европу, ни на средиземноморские курорты Египта и Турции или, допустим, в какой-нибудь Таиланд. Вообще не тянуло. От слова «совсем». А вот в девственную тайгу, величественные горы или суровую лесотундру, как ни странно, как раз наоборот, тянуло прямо-таки со страшной силой...

Отец, бывший командир разведроты ВДВ, отмотавший «за речкой» два срока и получивший в Афгане внеочередное звание майора, пару контузий, ранение и четыре боевых награды, к желанию сына относился скорее положительно, хоть втайне и грустил о том, что наследник не хочет связать жизнь с армией. Не то чтобы ему так уж нравилась избранная отпрыском специальность, просто он уважал самостоятельный выбор и мужскую целеустремленность. Но особым желанием поступать по следам отца в военное училище Леха не горел. Почему? Да он и сам не знал, если честно, просто не хотелось. Словно чувствовал, что это не его. Мама, старший лаборант районной поликлиники, вполне ожидаемо была категорически против, мечтая для сына о врачебной карьере. Порой – пока Алексей еще грыз в старших классах гранит школьной науки – в семье даже вспыхивали нешуточные споры. Однако и здесь он твердо придерживался своего мнения, вежливо внимая материнским увещаниям под угрюмое молчание отца.

Затем был школьный выпускной бал, ничем особенно не запомнившееся лето и финалом первых месяцев «взрослой жизни» осенний призыв в состав доблестных вооруженных сил. Из уважения к батю – и желая сделать тому приятное – он попросился в воздушно-десантные войска, благо здоровье и физическая подготовка позволяли, хлюпиком он никогда не был и

со спортом всегда был на «ты». Да и вообще, подобный опыт в будущей профессии лишним точно не будет. Военком не спорил, тем более что неплохо знал отца. На дворе в ту осень стоял две тысячи третий, так что угодить на Северный Кавказ парень не боялся. А если б и послали, поехал, почему, собственно, нет? Слово «Родина» никогда не было для Лехи пустым звуком, и если ради интересов отчизны необходимо будет скататься туда, где «горы стреляют», он противиться не станет. Батя ж не противился, поехал? И не просто поехал, но и остался на второй срок, хоть и не любил вспоминать о той войне, даже во время нечастых встреч с однополчанами. А там, между прочим, тоже были горы, и они тоже неслабо стреляли...

Службу в «войсках дяди Васи» парень тянул исправно и без особого напряжения, уже через полгода выбившись в число отличников боевой и политической подготовки. Да и прыгать с парашютом Алексею, до того ни разу даже на самолете не летавшем, неожиданно понравилось. Служил он, как некогда и отец, в разведроту, куда его отправили сразу после учебки. Никаких серьезных происшествий за время пребывания в армейских рядах, к счастью, не случилось, и демобилизовался Степанов, погоны которого к тому времени уже украшали сержантские лычки, строго в срок, к большому разочарованию комбата, так и не сумевшего склонить одного из лучших бойцов к сверхсрочной службе. Пожимая руку командира, теперь уже бывшего, Леха в очередной раз ответил вежливым, но твердым отказом. И спустя час уже тряся в обществе других свежеспеченных «дедушек» в кузове дежурной «шишиги» в направлении железнодорожного вокзала славного города Рязани, где уже стоял под парами долгожданный и пьяный дембельский поезд.

Дальше – понятно: встречи с одноклассниками, большинство из которых благополучно откосили от армии и потому вызывали у Алексея с трудом скрываемое презрение, ни к чему не обязывающие короткие свидания с девчонками, пара драк, одна из которых завершилась прибытием патруля и первым и последним в жизни приводом в отделение. Откуда его за шиворот выволок разъяренный отец, в нескольких матерных выражениях сообщивший, что если он еще раз опорочит честь советского... ну, то есть российского десантника и попадетя, то у них состоится совсем другой разговор. И, наконец, благополучное поступление с первого захода в выбранный ВУЗ, благо конкурс на геологический факультет был невысоким. Да, собственно, какой там на фиг конкурс? Если в процентах считать, выходило примерно три четверти человека на место. Учился парень без проблем и хвостов, вовремя и с первого раза сдавая сессии. Особое удовольствие он получал от летней практики, когда студентов-старшекурсников прикрепляли к настоящим экспедициям. Ходить на большие расстояния с рюкзаком за плечами для Лехи было привычно еще со школы, а уж после десантных марш-бросков подобное и вовсе не представляло никаких сложностей.

Семьей Леха, к расстройству матери, к этому времени уже смирившейся с жизненным выбором сына, за время обучения так и не обзавелся, перебиваясь периодическими романами разной длительности и степени влюбленности. Своей половинки парень пока не нашел, а жениться ради самого процесса и штампа в паспорте не собирался, поскольку в силу своих романтических убеждений верил в настоящую и бескорыстную любовь. Что еще? Да, наверное, и все, собственно, о чем стоило бы рассказать.

Вежливо отказавшись (похоже, отказывать бывшему начальству с некоторых пор стало для него своего рода доброй традицией) от предложения декана поступить в аспирантуру – универ парень закончил хоть и не с красным дипломом, но в числе лучших выпускников, – Степанов написал заявление с просьбой направить его в состав любой из экспедиций. Людей для работы «в поле», как водится, не хватало, и вскоре он, к ужасу матери, укатил в свою первую рабочую командировку аж на Северный Урал. С тех пор Леха так и мотался по самым глухим уголкам родной страны, ничуть не сожалея о сделанном выборе...

– Потому что надо было старших слушать и рюкзак как следует упаковывать! – Нависший над бессильно растянувшейся на траве, тихонько постанывающей девушкой, Леха укоризненно покачал головой. – Вот и натерла себе все, что можно, и каждая мышца болит! А нужно было всего-то еще на позапрошлом привале перепаковать, «спинку» выровнять, все тяжелое в середину или наверх переложить, полежать на рюкзаке, утрамбовать! Ведь показывал же перед выходом, как правильно. Почему на привале не сказала, что трет, что неудобно? Тут делов-то все поправить – от силы на пару минут... Ну, и кто в итоге виноват? Руководитель партии? Или я? А вот и хренушки, сама виновата, красавица, сама. Ладно, – парень до хруста в суставах потянулся и подвигал плечами, разминая затекшие под рюкзачными ляжками мышцы, – ночуем здесь, место хорошее. Вода рядом, дров навалом, палатки есть где поставить. Правда, еще можно было б идти и идти – темнеть-то только часа через два начнет, ну да хрен с ним, все одно раньше послезавтра на месте не будем, успеем нагнать. Но тебе, Ирка, все равно наказание: рюкзак перепаковать сегодня! Ага, прямо сейчас. И нечего мне стонать и глазки красивые закатывать, никто за тебя этого делать не станет. А завтра утром, перед выходом, – еще раз, чтобы окончательно наловчилась. Вот так.

Он перевел сбитое длинным монологом дыхание и обернулся к руководителю экспедиции:

– Верно говорю, Палыч? Принятое в одно рыло решение заместителя одобряешь?

– Очень даже одобрямс, – пробасил минеролог, ухмыляясь в вечно всклокоченную бороду. – Единогласно, как в славные времена, когда нами рулил Слава Капээсэс. Хотя я б еще и по упругой практикантской заднице ремешком прошелся, исключительно в целях геологической науки вообще и повышения профессионального уровня в частности. А ремешок у тебя качественный, армейский, просто чудо, а не ремешок!

– Так непедagogично ж вроде? Еще в деканат пожалуется, тебе потом отписываться аж до следующего сезона, – задумчиво протянул Степанов, поглаживая кончиками пальцев армейский кожаный ремень и с интересом разглядывая обтянутый спортивными брючками предмет спора. Проследив за его взглядом, девушка ойкнула и начала торопливо подниматься на ноги. Руководитель партии добродушно хмыкнул и отвернулся, обратив внимание на остальных геологов, отдыхающих после долгого ходового дня:

– А вы-то чего разлеглись, лентяи и пьяницы?! Ну-ка, за работу! Давайте-давайте, раскладываемся, лагерь готовим. Кто по воду, кто за дровами, кто палатки ставит. Быстренько-быстренько, дебоширы-тунеядцы, завтра спецом рано подниму, чтоб не расслаблялись после первого же дня!

«Дебоширы-тунеядцы» зашевелились, нехотя поднимаясь с кажущейся такой мягкой после длительного перехода земли. Разумеется, вовсе не из страха перед Андреем Павловичем, на самом деле являющимся добрейшей души человеком, просто желая поскорее завершить все необходимые перед ночевкой приготовления: набрать дров, разжечь костер, сходить за водой, установить палатки и начать готовить пищу. Чтобы потом, пока в закопченном кане будет аппетитно булькать, доходя до готовности, неизменная тушенка с картошкой, наконец, расслабиться, поскольку завтрашней день обещал быть куда тяжелее сегодняшнего. Это нынче они, можно сказать, по предгорьям топали, за весь переход не набрав и тысячи метров высоты, а завтра придется попотеть. К обеду следующих суток экспедиция должна добраться до нужного квадрата и начать разведку, иначе на график придется махнуть рукой, что не есть хорошо.

Привыкший рано вставать Леха проснулся первым. Наручные часы, развернутые по армейской привычке циферблатом к запястью, показывали начало восьмого, до пробудки оставалось почти сорок минут. Отлично, успеет немного размяться да потухший за ночь костер запалит, воду к завтраку вскипятит. А уж там и остальные поднимутся. Вжикнув застежкой-молнией, Степанов аккуратно выбрался из спальника и, стараясь не потревожить дрыхнувших товарищей, выполз из палатки. Поднявшись на ноги, молодой геолог с удовольствием

потянулся, полной грудью вдохнув чистый и прохладный горный воздух. Эх, хорошо-то как! Нет, он однозначно оказался прав, когда выбрал именно эту профессию! Подобное утро ни за какие бабки и ни в каком турагентстве не купишь!

Небольшой лагерь из пары трехместных и одной одноместной, в которой обитала единственная представительница слабого пола, палаток еще спал. Между окружающими небольшую полянку деревьями висели последние ключья потихоньку истаивающего ночного тумана. Подняв голову, Леха взглянул в синее в разрывах ветвей небо: не обманули синоптики, сегодняшний день тоже обещает быть ясным, что весьма неплохо. Что такое попасть на восхождении в дождь, Степанов знал не понаслышке. Плавали, знаем, как говорится.

Сбросив тельняшку, Леха проделал привычный гимнастический комплекс и двинулся в сторону родника, где они вчера набирали воду. Пока есть возможность, можно хоть поплескаться по-человечески, а то скоро начнется столпотворение. Еще и Ирка умываться пойдет... мысли плавно перескочили на практикантку-пятикурсницу. Несмотря на вчерашний инцидент с плохо подогнанным и неправильно уложенным рюкзаком, девчонка однозначно молодец! Старается изо всех сил. Ну, а то, что пока не шибко выходит – ничего, если не перегорит сразу, то оботрется и всему, что нужно, научится. Между прочим – и это с точки зрения Лехи являлось едва ли не главным плюсом – она сама в эту экспедицию попросилась, хотя могла или на универовской базе остаться, или выбрать куда менее сложный, равнинный, маршрут. Так нет же, захотела именно в горы идти. Нет, точно молодчага, будет из нее толк! И судить ее строго просто глупо – это ему легко, и туризмом в школе занимался, и десантная подготовка за плечами, а ей-то все впервой, словно салаге в армейской учебке. Да и вообще, чего ж тут душой кривить, нравится она ему! На любовь с первого взгляда, конечно, пока не тянет, но то, что нравится, – однозначно...

С такими мыслями Степанов и дотопал до родника. Собственно говоря, это был не столько родник, сколько крохотный, всего-то пару метров высотой, водопадик. Двумя метрами выше горный ручей низвергался вниз, в небольшой бочажок, эдакое природное джакузи почти правильной формы и полуметровой глубины. Зимой он наверняка полностью замерзал, но сейчас на дворе стояла вторая половина июня, и кристально-чистая ледяная вода с веселым журчанием падала вниз, поднимая кучу невесомых брызг, переливающихся в утреннем свете всеми цветами радуги. Красота, блин!

Громко фыркая, бывший десантник умылся и с удовольствием подставил под водный поток мускулистый торс. Ледяная вода обожгла, разом перехватывая дыхание и прогоняя остатки утренней вялости, коротко остриженную голову словно стянул невидимый обруч. Эх, хорошо-то как! И почему многие этого не понимают? Никакие многозвездочные средиземноморские курорты с прочими Тихими окиянами и рядом не стоят!

Покончив с водными процедурами, Степанов досуха растерся полотенцем и натянул захваченную с собой тельняшку. Осталось только зубы почистить – и будет словно новый рубль. Или, как говорил взводный, «после утренней зарядки и водных процедур настоящий десантник выглядит как БМД после капремонта и покраски!» Отчего именно такое сравнение, никто из Лехиноного призыва так и не узнал, к слову. Из других призывов, скорее всего, тоже...

Повернувшись к оставленным на покрытом мхом камне «мыльно-рыльным» принадлежностям, парень замер, неожиданно встретившись взглядом с Ириной. Выглядывающая из-за ствола сосны девушка ойкнула, поняв, что ее заметили, немедленно покраснела и торопливо рванула в сторону лагеря. Алексей хмыкнул: вот так ничего себе! Это она что, подсматривала за ним? А на хрена? Или... гм, это что ж получается, не только она ему, но и он ей нравится, что ли? Иначе на кой фиг на полуголового мужика тайком пялиться? Интересно девки пляшут... тьфу ты, и тут девки! Прямо, блин, по Фрейду! Пожалуй, после экспедиции стоит присмотреться к девчужке повнимательнее, благо они с ней земляки, а то мама чуть не каждый день

бурчит насчет внуков, да и батя, раньше в такие дела и носа не совавший, подозрительно часто стал вопросы относительно его матримониальных планов задавать.

Почистив зубы, Леха уже собрался было уходить, как вдруг его внимание привлек короткий отблеск на склоне возвышавшейся над водопадом скалы. Что еще такое? Может, выход породы? Парень отошел в сторону, чтоб не мешали ветви растущих вокруг родника деревьев, и присмотрелся повнимательнее. Нет, так ничего не разглядишь, угол не тот и ветки мешают. Вроде и вправду блестит что-то в солнечном свете, не особенно и ярко, кстати. Потускневший от времени металл напоминает – ну, или что-то подобное. Бред, конечно, откуда ему в этакой глухомани взяться? Короче, нужно наверх лезть, тут всего-то метров пять по горизонтالي, оттуда можно поближе подобраться, там карниз вдоль скалы идет, сантиметров двадцать, пройти можно. Поколебавшись с полминуты, Алексей пожал плечами и потопал к палаткам. Стоит на всякий случай молоток прихватить, вдруг пригодится. Тут делов-то от силы на десять минут, глянет, что к чему, и назад. А как вернется, так и костром займется... хотя нет, пускай Ирка разжигает, все равно проснулась уже. А то взяла моду за мужиками подглядывать...

Почувствовав, как от мыслей о девушке стремительно улучшается и без того отличное настроение, парень улыбнулся. Точно, нужно ее с собой захватить, типа, в качестве страхующего, когда он на скалу полезет! А костром можно и позже заняться, до побудки еще минут двадцать.

– А ты точно не упадешь? – с тревогой спросила девушка, теребя пальцами полу ветровки. – Довольно высоко, а скала почти отвесная и камни внизу острые.

– Издеваешься, товарищ самый главный геологический практикант? – хмыкнул он, разминая пальцы. – Первые пару метров придется подниматься, пользуясь исключительно руками и ногами, дальше уже проще пойдет. Тут и ты бы взобралась, если захотела. Ладно, давай инструмент. – Приняв из рук Иры складной геологический молоток, Леха закрепил его на поясе.

С собой он больше ничего не брал, только нож прихватил. Нож, кстати, у него знатный – не какой-нибудь там охотничий новодел из магазина, а самый что ни на есть аутентичный штык от немецкого карабина времен Великой Отечественной, задаренный на днюху армейским дружкой. Не совсем законно, конечно, как ни крути, холодное оружие, но кто их рюкзаки досматривать станет, они же границу не пересекают? А в экспедиции и вовсе не страшно, можно открыто на поясе таскать.

Подпрыгнув, парень ухватился пальцами за замеченный выступ и, упираясь в камень носками горных ботинок, подтянулся, поднимая тело вверх. Так, теперь сменить руку, перехватить, снова сменить, оттолкнуться и еще раз подтянуться... все. Спустя пару минут Степанов уже был на карнизе, оказавшемся несколько более узким, чем показалось снизу. Ничего страшного, если прижаться спиной к скале, можно пройти без особого риска, на полосе препятствий и посерьезней бывало, особенно если с полной выкладкой да на время преодолеваешь. А гоняли разведчиков-диверсантов до седьмого пота. Подмигнув задравшей голову девушке, испуганно глядящей на него с земли, Леха развернулся и двинулся вперед короткими приставными шагами. Карниз держал, лишь изредка из-под подошв с легким шорохом выскальзывали небольшие камешки. Сколько там еще? Всего ничего, метра четыре осталось, не больше. Главное, чтобы Палыч раньше срока не проснулся и сюда не заявился: он подобную экстремальщину на дух не переносит, орать будет – мама не горюй! Хотя не должен, поспать он не дурак, обычно поднимается на правах начальника одним из последних. Да и принял вчера на грудь неслабо, начало экспедиции празднует. Фух, все, дошел. Вон за той каменюкой оно и блесло.

Дождавшись, пока перестанут подрагивать руки и колени, геолог аккуратно обогнул угловатый выступ скальной породы, скрывавший от его взгляда предмет поиска. Если уж начистоту, то на последних метрах Леха успел пару раз пожалеть о своем решении, но не возвращаться

же, когда потенциально любимая девушка на тебя такими глазами смотрит? Ладно, сомнения в сторону, поскольку добрался. Вон она, железяка эта, меньше пары метров осталось... Внезапно осознав, что именно он видит, Леха лишь сдавленно пробормотал себе под нос:

– Твою же мать...

Парень не ошибся, это действительно оказался металл, причем, судя по идеально-ровной поверхности, однозначно искусственного происхождения. Вот только находился он там, где находиться не мог по-определению, – *внутри* монолитного базальтового массива, будучи словно впаян в окружающую породу. Собственно говоря, то, что открылось взгляду Степанова, было лишь небольшой, примерно полметра на полметра, частью чего-то гораздо более объемного, проглянувшей из-под камня в результате природной эрозии последнего. Что могло означать только одно: непонятную штуковину каким-то неведомым образом поместили внутрь скалы очень и очень много лет назад. Настолько много, что дождю и ветру хватило времени выщербить и разрушить внешний слой камня, уж в этом-то Леха был вполне компетентен, геолог как-никак. А это, знаете ли, отнюдь не десяток-другой лет! И, скорее всего, даже не сотни, если судить по толщине базальта и средней скорости естественных эрозийных процессов. Так что стеной какого-нибудь секретного военного бункера это уж точно быть не могло: в те времена, когда эта хреновина оказалась внутри горного массива, люди еще просто физически не умели строить подобные убежища. Да и надобности в них не имелось, как не имелось никакого оружия массового поражения...

Облизнув пересохшие от волнения губы, парень решил подобраться как можно ближе, поскольку отсюда не мог разглядеть всех подробностей: и угол обзора не тот, и окружающий металлическую поверхность воздух дрожал, словно марево над раскаленной поверхностью. Кстати, интересно, почему? Горячая эта железяка, что ли? На миг Леха ощутил в груди укол страха: а вдруг он ошибается и на самом деле это вполне современный обломок чего-нибудь военного? А воздух дрожит от нехилой радиации, допустим? Ракета тут какая-нибудь упала или спутник с портативным реактором на борту? И сейчас он получит такую дозу, что матери уж точно больше не придется переживать относительно внуков. Геолог даже замер на пару секунд, вцепившись пальцами в скалу, но тут же усмехнулся, помотав головой. Да нет, глупости! Ну, какой еще, на фиг, обломок спутника внутри скалы?! Чтобы погрузиться в базальт на такую глубину, нужен столь мощный удар, что любой, даже самый прочный металл просто испарится, а эта штуковина просто издевательски целехонька – ни вмятин, ни царапинок. Так что радиация тут определенно ни при чем. А вот что «при чем», он сейчас и попытается разобраться.

Самое смешное, что в тот момент парень даже не мог себе представить, насколько близким к истине оказалось его предположение относительно спутника! Справедливости ради стоит отметить, что и в будущем он этого так и не узнал...

Приблизиться удалось только на расстояние вытянутой руки: ближе просто негде было стоять. И не на чем – карниз практически сошел на нет, представляя собой узенькую каменную полоску шириной в половину подошвы. Впрочем, это не помешало продолжить изучение странной находки (визуальное, разумеется, – притрагиваться к ней самой или касаться непонятного марева парень пока не решался), результаты которого заставили Алексея задумчиво хмыкнуть под нос. Вблизи стало понятно, что он не ошибся, «железяка» на самом деле находилась непосредственно внутри горного массива, естественная геологическая структура которого абсолютно не изменилась. И то, что ее стало возможным заметить, оказалось именно результатом осыпания эрозированной ветром и дождем породы. Кстати, горячей она уж точно не была: вытянутая к непонятному мареву рука не ощущала не то что жара, но даже легкого тепла.

Но самым интересным было иное: во-первых, стал заметен небольшой лючок, на две трети скрытый камнем, определенно предназначенный для техобслуживания, из-за чего парень сделал весьма глубокомысленный вывод, что это все-таки некий механизм. А вот затем

он разглядел на идеально-гладкой поверхности – судя по заметной глазу кривизне, находка имела то ли шарообразную, то ли цилиндрическую форму, – надпись, содержание которой его более чем удивило. «Более чем» – это чтоб не материться, а то снизу Ирка наблюдает, а ругаться при женщинах Алексей еще со школьных времен стеснялся. На самом же деле, разобрав видимые из-под края породы буквы, парень откровенно... гм, ну пусть будет «пришел в замешательство». Поскольку частично стершаяся надпись, сделанная, что характерно, на русском языке, гласила:

«...ПП-маяк дальне... наведения. Регистр... номер СВ434 ...902. Собственность Военн... ..смического Флот... Земной ... дерации. Не вскрыв..., ... пасно для жизн... При обнаруж... сообщить ближай... партул... ..КФ».

Леха очумело потряс головой. Ну ни хрена ж себе! «Собственность Военно-Космического Флота Земной Федерации», каково?! Круто, конечно... вот только Степанов отчего-то был абсолютно уверен, что никто в его времени ни о какой «Земной Федерации» и слыхом не слыхивал. Равно как и о Военно-Космическом Флоте. Войска воздушно-космической обороны в составе ВС РФ еще с две тысячи одиннадцатого имеются, это да, а вот целый Флот? Проблема, ага... Что ж получается, эта хрень из будущего, что ли? Бред – в путешествия во времени парень не верил, а фантастику, хоть и почитывал, всерьез никогда не воспринимал. И чего дальше делать? Рассказать Палычу? Так ведь он сюда не полезет – да и не долезет, если уж честно, с его-то комплекцией по карнизу никак не пройти. О, нужно вернуться, взять цифровик и сделать пару фоток. Стоп, а на фига, собственно, возвращаться, он и так про обратный путь думает со смутной тревогой, а уж лезть сюда еще раз? Как-то не особенно хочется. У него ж в кармане мобильник с довольно неплохой камерой на пять мегапикселей имеется! Сейчас отснимет что нужно, скинет на ноут да покажет руководителю. А уж там пусть начальство решает, как дальше поступить.

Рискуя сорваться, Степанов в три поистине акробатических приема вытащил из узкого кармана телефон и коснулся пальцами сенсорного экрана. Сейчас сфоткает этот, блин, артефакт, и...

– Леша, как ты там? Тут Андрей Павлович пришел, тебя ищет!

Звонкий девичий голос заставил парня непроизвольно вздрогнуть. Опорная нога едва не соскользнула с узкого карниза, и, чтобы сохранить равновесие и не навернуться вниз, Леха разбросал руки в стороны, собираясь намертво вцепиться в скалу. Правая, в которой он держал телефон, коснулась странного марева, и в следующий миг сознание исчезло в беззвучной ослепительной вспышке...

Интерлюдия. Будущее, 2198 год

...Основой современной межгалактической транспортной сети является значительное количество гиперпространственных привязных маяков, нередко также называемых «бикоординатными» или «финишными» бакенами. Каждый из ГПП-маяков является полностью автономным устройством, расположенным одновременно и в линейном космосе, и в искривленном пространстве (принцип «двойных» или «бикоординат»). Места размещения маяков определяются произвольно, исходя из соображений целесообразности и близости к наиболее часто посещаемым районам космического пространства. Основное назначение маяков – способствование наиболее точному, «прицельному» финишированию всплывающего из гиперпространства объекта, поскольку возвращение в линейный космос, как известно, является спонтанным процессом, не привязанным ни к какой конкретной точке пространства, ни трехмерного, ни искривленного. Иными словами, без финишных координат т. н. «пространственный люфт» при выходе в обычный космос может составлять до полутора-двух световых лет.

Как известно из курса новейшей истории, прыжки первых оснащенных гипердрайвом кораблей были, по сути, прыжками вслепую. Экипаж погружающегося в стартовую воронку

корабля лишь приблизительно представлял, где именно он финиширует. Многие годы это было основной проблемой космоплавания, фактором, в немалой степени сдерживавшим человеческую экспансию. Даже для достижения ближайших звезд корабль должен был сделать несколько последовательных неприцельных прыжков, что требовало огромного расхода энергии, запасов которой реально хватало только на три-четыре погружения-всплытия. Если же достичь заданной точки все-таки не удавалось, экипажу оставалось либо ждать помощи, либо долгие годы идти к цели на планетарных двигателях, что изначально превращало полет в бессмысленную авантюру.

Проблема решилась с изобретением ГПП-маяка, ориентирующего всплывающий корабль либо на себя, либо – методом квадратуляции – на избранный для финиша квадрат, удаленный от него на расстояние, определяемое типом и мощностью бакена. Зона покрытия наиболее мощных маяков, т. н. «ГППМ дальнего наведения», составляет порядка нескольких десятков световых лет.

В настоящее время сеть разбросанных в пространстве маяков покрывает большую часть нашей галактики, продолжая расширяться. Выбором места и установлением новых финишных бакенов, а также их комплексным обслуживанием и настройкой в системе «двойных координат» занимается Космографическая и Координатно-навигационная службы Военно-Космического Флота...

«Введение в пространственную навигацию», справочник для курсантов навигационных факультетов ГФ и ВКФ

Глава 2

Была среда, четвертый день войны...

В. Третьяков

Сознание возвращалось тяжело. Правильнее даже сказать, что возвращаться оно упорно отказывалось, самым наглым образом саботируя желание хозяина поскорее вынырнуть из темного омута беспамятства в реальность, какой бы та ни оказалась. Наконец происходящее в неких неведомых глубинах подсознательного противостояние завершилось победой здравого смысла, и Леха пришел в себя. Первой мыслью оказалось вполне ожидаемое «сорвался-таки с карниза, альпинист хренов», поскольку события крайних мгновений он помнил во всех подробностях. Неожиданный Иркин крик, дрогнувшая опорная нога и поверхность скалы, за которую он надеялся ухватиться руками. А, ну да, еще та намертво впаянная в базальт металлическая штукавина, окруженная непонятным маревом, из-за которой все и началось. Принадлежащая ни много ни мало аж целому Военно-Космическому Флоту Земной Федерации, угу. Жила-была в космосе могучая космическая держава, которая однажды не пойми как потеряла не пойми что, в итоге оказавшееся внутри вполне обычной с минералогической точки зрения скалы. Где его (или ее) и нашел один ударенный на всю башку геолог, сорвавшийся вниз с узкого карниза. Спасибо, хоть насмерть не убился, девчонка верно говорила, камни внизу очень нехорошие, спиной на них с пяти метров приземлишься – и амба. В лучшем случае – перелом позвоночника и инвалидная коляска на всю жизнь, в худшем – он бы в себя и вовсе не пришел.

Осознав, о чем именно он подумал, парень ощутил мгновенно сковавший тело липкий страх: это что ж получается, коль он очнулся, значит... его парализовало, что ли?! Поскольку без серьезной травмы на острые базальтовые обломки спиной вперед никак не спикируешь! Испугавшись до одури, Алексей торопливо пошевелил конечностями. Руки и ноги подчинялись плохо, в кожу впивались тысячи крохотных иголок, но, главное, двигались, в этом никаких сомнений не было. Да и лежит он, между прочим, на боку, а вовсе не на спине. Уф, похоже, пронесло. В смысле, повезло, позвоночник цел, иначе хренушки бы он столь лихо пальцами шурудил. Может, глаза открыть? Угу, очень глубокая и весьма своевременная мысль! Мог бы и раньше догадаться.

Парень решительно распахнул глаза... и почти сразу же торопливо сжал веки. Так, стоп, нужно успокоиться и попробовать еще раз. Поскольку то, что он успел разглядеть за эти несколько секунд, реальностью уж точно быть не могло. Похоже, головой он при падении все-таки нехило приложился, коль такой бред мерещится! Машины какие-то сторевшие, танки искореженные и, самое главное, разбросанные по откосу трупы. Бред, определенно! Галлюцинация!

Дождавшись, пока успокоится зашедшее в сумасшедшем ритме сердце, Степанов глубоко вздохнул и предпринял вторую попытку. Увы, странные глюки никуда не делись: все видимое пространство оказалось заполнено застывшей на узкой грунтовой дороге разбитой бронетехникой и сожженными автомобилями, смутно знакомыми по историческим кинофильмам. Невысокую насыпь и несколько метров ровного пространства перед ней покрывало множество тел в старой военной форме времен Великой Отечественной. Леха несколько раз с силой сжал и разжал веки, просто не в силах *осознать* увиденное. Или скорее так: не в силах *заставить* себя воспринять увиденное как реальность. Этого просто не может быть, потому, что не может быть никогда! Не в прошлое ж он перенесся, навернувшись со скалы?! Словно в каком-нибудь фантастическом романе про меняющих прошлое «попаданцев»? Идиотизм какой-то...

Так, стоп, нужно успокоиться и взять себя в руки. А затем встать, подойти поближе и убедиться, что все это – не более чем игра воображения, вызванная стрессовой ситуацией, помнится, на инструктаже перед первым прыжком молодым десанникам о чем-то подобном рассказывали. Мол, если произойдет нештатная ситуация с парашютом, главное – не паниковать, поскольку человеческий мозг может отреагировать на подобное неадекватно... вроде бы как-то примерно так. В тот момент взволнованные первогодки не особенно внимательно слушали немолодого военврача, вызывая у того с трудом скрываемое раздражение. Ладно, побоку никому не нужные воспоминания, сейчас ему это вряд ли чем-то поможет. Успокоился, десант (с ударением на первом слоге, разумеется)? Тогда вперед... и можно без песни.

Не раскрывая глаз, Леха перекатился на живот и медленно встал на четвереньки. Голова кружилась, но вполне терпимо, на сотрясение всяко не тянет. Убедившись, что ничего страшного не происходит, парень открыл глаза и в два приема поднялся на подрагивающие то ли от напряжения, то ли от сковавшей тело непонятной ватной слабости ноги. Не глядя в сторону дороги, осмотрел себя. Все как и должно быть – тельняшка, заправленная в легкие хлопчатобумажные туристические брюки, в которых он предпочитал ходить в летние экспедиции. Горные ботинки с невысоким берцем, старенькие, но еще вполне целые. Давно собирался прибораться новой обувкой, да жаба душила тратить деньги, пока еще в этих вполне можно ходить. Что еще? Нож и горный молоток на поясе, телефон... где он, кстати? А вот, в траве под ногами валяется, видимо, выпустил из руки, когда падал. Наклонившись, Леха поднял мобильник, автоматически стер с сенсорного экрана пыль и налипшие травинки. Отозвавшись на касание, монитор засветился, извещая владельца об отсутствии контакта с сетью. Пожав плечами, Степанов запихнул телефон в карман и, собравшись с духом, обернулся.

Ничего не изменилось.

Все так же светило далеко послеполуденное солнце, по лазурному небу плыли редкие невесомые облачка, теплый летний ветер шевелил коротко остриженные волосы... на узкой грунтовке застыла разгромленная и сожженная колонна советской автобронетанковой техники. Трупы тоже никуда не делись. Погибшие лежали в тех позах, в которых их застала смерть. Изодранные пулями гимнастерки топорщились от засохшей, кажущейся черной крови; искаженные предсмертной судорогой рты застыли в немом крике. Сейчас, осматривая местность с высоты своего роста, Степанов заметил множество воронок, обрамленных пластами вывороченной взрывами земли и дерна. Лежащие поблизости от них люди были изломаны, словно тряпичные куклы, многие с оторванными конечностями, обезглавленные, а то и вовсе разорванные на части.

Парень заставил себя сделать шаг вперед, затем еще и еще. Прибитая летним зноем местами вытоптанная трава чуть заметно пружинила под подошвами. Мыслей в голове не было. Никаких. Вообще. Сознание просто равнодушно фиксировало увиденное. Лежащий на спине совсем молодой паренек в новенькой, явно еще ни разу не стиранной гимнастерке, заскорузлой от крови. Чуть поодаль – офицер, судя по портупее и отлетевшей в сторону приплюснутой фуражке с пятиконечной звездой на околыше. От головы почти ничего не осталось, лишь какие-то кровавые лохмотья и сероватые комочки мозговой ткани. В сведенных судорогой пергаментно-желтых пальцах правой руки намертво зажат пистолет «ТТ» с замершей в крайнем положении затворной рамой – перед смертью успел расстрелять все патроны. Рядом с телом разорванная едва ли не в клочья полевая сумка, какие-то выпавшие из нее бумаги, несколько сломанных карандашей и разбитый компас. Из чего это по ним лупили, из крупнокалиберного пулемета, что ли?

«Из авиационного пулемета или автоматической пушки, – неожиданно подсказало очнувшееся от первого шока подсознание. – Разве сам не видишь? Военную хронику вспомни, не раз ведь смотрел. Колонну разгромили с воздуха. Сначала прошлись бомбами, потом летали вдоль шоссе на брющем и расстреливали уцелевших».

Алексей, словно выполняющий простейшую программу робот, медленно брел параллельно насыпи, ощущая, как увиденное намертво впечатывается в память. Разорванное близким взрывом тело еще одного бойца. Собственно, не разорванное даже: головы и торса вовсе нет, только таз с вывороченными кишками и ноги в размотавшихся обмотках. И вбитая взрывом в землю винтовка с расщепленным прикладом и погнутым граненым штыком, которую до сих пор сжимает за цевье оторванная по локоть рука. В трех метрах – еще один погибший, взрывная волна сорвала одежду, оставив на теле только обрывки галифе и правый ботинок. Спина, куда ударили осколки, – одна сплошная рана с торчащими наружу обломками ребер и позвонков. Еще один погибший, судя по комбинезону и шлему – танкист. Крови на темной ткани не видно, только на спине лохматятся вывернутой наружу тканью выходные отверстия от пуль. Этого хоть целым похоронят... впрочем, ему-то как раз уже все равно...

Не в силах более видеть изуродованные тела, Степанов медленно поднял голову, рассматривая разгромленную колонну. Да, наверное внутренний голос прав: их именно разбомбили. Как раз напротив него застыл поперек шоссе легкий «БТ» с напрочь развороченным, рыжим от огня корпусом – видимо, близкое попадание или взрыв боекомплекта. Башни не было, и не шибко разбиравшийся в старых танках Леха не мог определить, какой именно модели боевая машина. В десятке метров впереди – нечто вовсе уж неопределяемое, абстрактная композиция из перекрученного тротиловой яростью металла, размотавшихся гусениц и разбросанных вокруг остатков ходовой. Вот это уж точно прямое попадание.

Следующие два танка, еще один «БТ» и «тридцатьчетверка» с незнакомой Степанову башней – уж больно пушка коротковата, совсем не такая, как в кино показывают, – внешне выглядели почти неповрежденными, разве что краска полностью обгорела. На рыжих от жара башнях – черные контуры звезд и тактических номеров, намертво впечатавшиеся в броню. Из распахнутого переднего люка «Т-34» свешивается обгоревший почти до скелета механик-водитель, еще один танкист лежит, раскинув угольно-черные руки, на решетке моторного отсека. Кажется, из башни «БТ» тоже кто-то пытался успеть выбраться, но присматриваться уже просто не было сил.

Леха торопливо сморгнул, отводя взгляд. Следом за танками в составе колонны двигались автомобили, некоторые с пушками на прицепе. Грузовикам досталось еще больше: осколки и взрывная волна с легкостью дырявили и сминали жестяные кабины полторок и разносили в щепки кузова, а вспыхнувший бензин довершал дело. Видимо, часть машин, те, что тащили орудия, везли боеприпасы – от этих и вовсе практически ничего не осталось, только искореженные рамы с остатками подвески да искромсанные взрывом обломки кабин. Замыкавший колонну трехосный броневедомитель с такой же, как на «БТ», башней почти не пострадал – и под взрыв не попал, и не горел. Как именно он называется, парень не помнил, то ли «БА-10», то ли как-то иначе. Судя по продырявленному крупнокалиберными пулями капоту, ему разбило двигатель, и экипаж предпочел бросить машину – недаром бортовые дверцы распахнуты. На отвернутой в сторону башне отчетливо видна красная звезда и белая пунктирная полоса вдоль верхнего края, видимо, заменяющая тактическое обозначение подразделения.

Алексей на миг прикрыл глаза. Что ж, если это и на самом деле галлюцинация, то уж больно она подробная. И страшная. Неправильная, одним словом. Буквально каждая деталь проработана, словно в историческом кинофильме, вон на дороге даже стреляные гильзы блестят, видимо, кто-то вел огонь по атакующим колонну самолетам. Хотя откуда ему знать, какие именно бывают галлюцинации?! И какие из них правильные, а какие, мать их, нет?! Он что, психиатр, что ли? Или дело в том, что...

В этот момент ветер внезапно изменил направление, и парня накрыла волна плотного... нет, не воздуха. И даже не запаха. Ни воздухом, ни запахом ЭТО назвать было никак нельзя. Первое пришедшее в голову определение – смрад. Густой, хоть ножом режь, смрад горелой человеческой плоти, обильно сдобренный химическими запахами сгоревшей солярки и

машинного масла, тротила, краски, резины и чего-то уж вовсе неопределяемого. И еще чем-то незнакомым, солоновато-железистым, тем самым, чем пахло вокруг, пока он шел вдоль перерытой воронками насыпи.

Степанов резко замер на месте, будто наткнувшись на невидимую преграду. Кровь! Так пахнет кровь! Вот только интересно, откуда он это знает? Леха обвел пространство вокруг себя полубезумным взглядом, словно видя все это впервые. С глаз – или разума? – словно слетела пелена, как-то сразу, мгновенно, в некий нефиксируемый сознанием миг. Какие еще, нахрен, глюки! Нет, это все всерьез, по-настоящему, на самом деле! Все эти разорванные взрывами тела с вывалившимися в пыли и облепленными мухами кишками и свешивающиеся из люков человекоподобные головешки, некогда бывшие живыми людьми, – все это НА САМОМ ДЕЛЕ!

Окружающий мир внезапно поплыл и размазался, почва под ногами потеряла былую твердость, словно он оказался в эпицентре землетрясения, и последним, что еще успел зафиксировать погружающийся в омут беспамятства разум, стала стремительно несущаяся навстречу земля, покрытая вытоптанной, местами бурой от запекшейся крови травой. . .

* * *

Очнулся Алексей, когда вокруг уже сгустились сумерки. Некоторое время парень лежал на спине, бездумно глядя в темнеющее с каждой минутой небо, на котором уже проступили первые звезды. Хотелось есть и куда сильнее пить. А еще сильнее – понять, что вообще происходит. С одной стороны, разум отчаянно отказывался признавать даже гипотетическую возможность попадания в далекое прошлое, с другой – из головы упорно не шло виденное днем. Да тяжелый запах благодаря практически полностью стихшему к вечеру ветру, к сожалению, никуда не делся. Такое не подделаешь и никакой галлюцинацией не объяснишь. . . хотя если он сейчас валяется в коме в своем времени, тогда, наверное, все что угодно возможно. Мог бы и на какой-нибудь Альфе Центавра очнуться, блин, в окружении большеглазых инопланетян из амерских кинофильмов. Ладно, какой смысл и дальше спину отлеживать, все равно этим ровным счетом ничего не изменишь. Чем бы все это ни оказалось, нужно хоть каким-то делом заняться, воду, например, найти. Или еду. Или оружие. Или все перечисленное разом. . . хотя вода актуальнее остальных пунктов, уж больно горло пересохло, словно сутки не пил.

Поднявшись на ноги – чувствовал себя Леха на удивление неплохо, не было ни былой слабости, ни головокружения, бывший десантник пошарил по карманам, разыскивая мобильный. Нужен хоть какой-то источник света, вот-вот совсем стемнеет, как тогда быть? Одного лунного света может и не хватить, а сломать по дурости ногу как-то не хочется. Если все это по какой-то чудовищной случайности окажется правдой, со сломанной ногой ему лучше сразу застрелиться, тем более у погибшего офицера он видел пистолет. Не в плен же немцам сдаваться? Кстати, это мысль! В смысле, не насчет плена, а насчет пистолета. Нужно обязательно отыскать его тело и забрать оружие – наверняка в кобуре запасной магазин имеется. Не хочется, конечно, в темноте по этому импровизированному кладбищу бродить, но что делать?

Парень грустно усмехнулся: «к немцам в плен», вот именно! Получается, подсознательно он УЖЕ поверил, что перенесся на Великую Отечественную? Потому и рассуждает подобным образом? Блин, голова кругом. . . Так, все, хватит переливать из пустого в порожнее, пора делом заняться! А то разнылся, словно не в десанте служил, а не пойми где! Конечно, если и на самом деле придется воевать, ему б родной «семьдесят четвертый» с подствольником, снарягу нормальную да «РПГ-7 Д» с десятком выстрелов, и кумулятивных, и термобарических. . .

«Ага, – не удержался внутренний голос. – А еще «бээмдэшку» с экипажем и полным боекомплектом! Или нет, чего мелочиться? Мечтать, так с размахом – сразу целую десантно-штурмовую бригаду со средствами усиления и авиаподдержки! И парочку «Тополей М» на прямую, блин, наводку!»

Обшаривающие карманы пальцы наткнулись на нечто продолговато-цилиндрическое. Фонарик! Точно, он же вчера положил в карман фонарик, о котором совсем позабыл! Лагерь геологической партии уже погрузился в темноту, свет давал лишь догорающий костер, а ему приспичило прогуляться по нужде, вот он и прихватил с собой самый обычный китайский светодиодник на три пальчиковые батарейки. А потом, забираясь в спальник, позабыл выложить из кармана. Неплохая находка, кстати, в нынешних реалиях портативных фонарей подобной мощности и вовсе нет. И самое главное, батарейки он перед самым походом заменил, при экономном расходе на неделю хватит, а то и больше.

Леха вдавил в корпус упругую клавишу, и темноту прорезал узкий бело-голубой луч. Отлично, живем! Главное – не спалиться по-глупому, свет ночью далеко виден, особенно такой яркий. Кстати, а вот интересно, отчего фрицев до сих пор не видно? Здесь все еще глубокий советский тыл? Или их просто не заинтересовала перепаханная бомбами грунтовка – танк или бронетранспортер пройдет, конечно, а вот для движения автотранспорта придется сначала воронки засыпать и утрамбовать. Собственно, вполне вероятно, что пока он валялся без сознания, тут и побывали какие-нибудь разведчики. На мотоциклах, предположим, немцы к байкам с колясками всю войну были равнодушны. Убедились, что шоссе бомбами перерыло, да и убралось восвояси. А его не тронули, поскольку сочли одним из погибших под авианалетом, – в конце концов, что в нем такого уж необычного? Тельняшка? Так и в этом времени подобные носят. Светло-зеленые туристические брюки? Порядочно застиранные и изгвазданные пылью и травой? Даже не смешно. Делать фрицам больше нечего, только среди трупов бродить, колонну-то не час назад раздолбали, а как минимум ранним утром... Короче говоря, особенно бояться нечего, когда-то он то ли читал, то ли слышал, что в начале войны немцы ночами не воевали, так что шансы напороться на гитлеровцев практически нулевые.

Ободренный подобными мыслями, парень двинулся вперед, разыскивая замеченного днем убитого офицера. Кстати, в этом времени, насколько он помнил, никаких офицеров еще не было, звание вернут в сорок третьем, а пока – только командиры. Не позабыть бы, когда до своих доберется, а то загремит в контрразведку – и амба. Вряд ли кто-то станет возиться с человеком, называющим себя пришельцем из будущего, – других забот хватает. Шлепнут побыстрому у ближайшей сосны – и дело с концом. Он ведь в местных реалиях реально ни в зуб ногой, уж простите за тяжеловесный каламбур. На первом же допросе спалится, поскольку даже цены на хлеб или банальную водку не знает, не говоря уж о чем-то более сложном, вроде армейских знаков различия, всех этих легендарных «шпал», «кубарей» и прочих «ромбов». Так, плавает по поверхности, помня лишь то, что случайно запало в память после прочитанных книг или просмотренных кинофильмов. Сержанта с его «пилой» из четырех треугольников на петлицах от лейтенанта отличит, конечно, а вот капитана от, допустим, майора – уже вряд ли. Не говоря уже про всяких комиссаров с прочим старшим командирским составом от подполковника и выше...

Погибшего офицера... то есть командира Алексей нашел быстро. Стараясь не светить в сторону того, что осталось от его головы, парень забрал пистолет и запасную обойму. Поколебавшись – лишний раз тревожить покойника не хотелось, – все же снял и портупею с кобурой: не за поясом же «ТТ» таскать? И так, оружие у него теперь имеется. Конечно, восемь патронов – это несерьезно, но все же лучше, чем ничего. Кстати, помнится, он еще танкиста видел, того самого, о котором подумал, что, мол, целым похоронят. Так у него тоже кобура имелась. Может, поглядеть?

Тяжело вздохнув, парень потопал на поиски, освещая дорогу зажатым в ладони фонариком: проникающий сквозь неплотно сжатые пальцы лучик света был совсем узеньким, так сразу со стороны дороги и не заметишь. Танкиста он обнаружил быстро, и пяти минут не прошло, став обладателем еще двух запасных магазинов. Ну, уже что-то. Сняв с пояса погибшего фляжку в брезентовом чехле, Степанов собрался уходить, но неожиданно вспомнил про бро-

неавтомобиль. Все ж таки единственная практически не пострадавшая машина. Наверняка внутри можно найти что-нибудь полезное – а в его положении «неполезного», пожалуй, и не бывает по определению.

Идти к дороге не хотелось просто до одури, но Леха волевым усилием заставил себя двинуться в сторону насыпи и обыскать броневик. За что и был вознагражден солдатским вещмешком с захлестнутой ременной петлей горловиной – подобных он на срочке уже не застал, но что это такое, прекрасно знал, – несколькими «лимонками» и двумя дисками к автомату «ППД». Последнее оказалось весьма кстати: о том, что подобное оружие использует тот же патрон, что и его пистолет, парень помнил. Так что боеприпасов теперь было с избытком, почти полторы сотни. Что находится внутри вещмешка, Леха проверять не стал, просто запихнул внутрь диски и гранаты (по намертво вбитой в армии привычке убедившись, что усики на чеках надежно разведены), будет время – разберется. Да и место неподходящее: как оказалось, водитель броневедомобиля погиб во время обстрела и сейчас сидел, навалившись грудью на руль. От тела и натекшей под сиденье лужи крови уже ощутимо тянуло тошнотворно-сладковатым запахом разложения – машина простояла на самом солнцепеке весь световой день, и температура внутри раскаленной стальной коробки наверняка поднималась градусов под сорок, а то и выше...

Выбравшись наружу, Степанов торопливо двинулся по кратчайшей дороге к темной стене недалекого леса, до которого по его прикидкам было не более трехсот метров, стремясь как можно скорее выбраться из этого чудовищного царства смерти. В голову пришла было мысль, что так неправильно, что стоило бы забрать у погибших документы, хотя бы у тех, кто остался более-менее целым после бомбежки, однако заставить себя вернуться он не смог.

Просто не смог, мысленно извинившись перед павшими:

«Простите, мужики, но уж слишком много всего сегодня произошло! Наверное, я просто оказался не готов... пока не готов. Возможно, успею я повоевать, как батя, в какой-нибудь горячей точке, вел бы себя иначе. Но я не воевал. Тоже пока. Просто честно оттянул свои два года, пусть и в очень серьезных войсках. Но смерть я видел только по телевизору, хоть ее, этой смерти, в крайние годы и стало как-то слишком уж много... Знаю, что теперь фрицы пригонят местных и те похоронят вас в ближайших воронках. Где вы надолго, если не навсегда, останетесь безымянными, но что я могу изменить? Если бы у меня была карта, я б запомнил место. Но карты у меня нет, и я даже не знаю, где нахожусь и какой сейчас год... Поэтому простите меня, ребята, и прощайте... Вечная вам всем память!..»

Добравшись до опушки, Леха несколько минут просто стоял, привалившись к стволу могучего дуба, и дышал полной грудью, с наслаждением вдыхая прохладный ночной воздух. Какое это, оказывается, наслаждение, просто дышать чистым воздухом, не отравленным тяжелым духом разложения и смерти! Вот просто так стоять и дышать. Стоять и дышать насыщенным пряными лесными запахами воздухом...

Долго задерживаться на месте парень не стал, поспешив углубиться в лес. Особой проблемы в этом Степанов не видел – фонарь есть, опыта, учитывая, что в первый «взрослый» поход он отправился еще в пятнадцать лет, – навалом. Да и в армии будущую крылатую пехоту тоже кое-чему учили, и учили неплохо. В том числе и ночным марш-броскам с полной выкладкой по пересеченной местности. Сейчас ни полной, ни неполной выкладки не имелось, только тощий солдатский «сидор», полупустая фляга да пистолет. Кстати, насчет фляжки – как это он позабыл-то?

Остановившись, парень открутил крышечку и опасливо принялся: а ну как внутри спирт окажется? Нет, все в порядке, из горлышка привычно пахло слегка застоявшейся теплой водой. Сделав несколько жадных глотков, Алексей усилием воли заставил себя остановиться. Воды в емкости, судя по ощущениям, оставалось совсем немного, граммов двести, и следовало экономить. Вовсе не факт, что в ближайшее время удастся найти какой-нибудь ручей. Хотя,

конечно, самый обычный смешанный лес – вовсе не выжженная солнцем степь или горы, водоемов должно быть много. Закрутив алюминиевую флягу, почти в точности такую же, как в его армейской бытности, разве что неокрашенную, Леха поправил на плече лямку вещмешка и продолжил движение. Часа два можно и отмахать без привалов, ни разу не проблема. Жаль, ни компаса, ни карты нет, никак не сориентируешься. С другой стороны, если перестать сомневаться и принять как должное, что он и на самом деле провалился в сорок первый год, значит, нужно просто идти в направлении линии фронта. Скорее всего, сейчас он в немецком тылу, так что дорога одна – на восток, к своим.

Парень невесело усмехнулся: ну да, а куда еще, если не в сорок первый? Сейчас лето, ориентировочно июнь-июль. Разбитые на дороге легкие танки – довоенного образца, да и сторевавшая «тридцатьчетверка» определенно из первых серийных модификаций. Сколько их к сорок второму уцелело, единицы? Или ни одного? Обозначение на башне броневомобиля тоже старого образца, что-то подобное он видел на фотках в Интернете. Опять же, погон ни у кого из погибших нет – наверняка сорок первый! Хотя, конечно, возможны и варианты – вон те же «БТ-7», вроде бы еще и в сорок пятом на Дальнем Востоке с японцами воевали... Ладно, чего гадать, встанет на ночевку, пошарит в «сидоре», вдруг газету какую найдет.

Следующие пару часов Степанов честно топал, двигаясь ориентировочно на восток. Идти было не особенно сложно, серьезные препятствия в виде заросших густым кустарником оврагов или нагромождений бурелома, которые приходилось обходить стороной, встречались редко. В первые же двадцать минут бывший десантник привычно вошел в размеренный ритм, наиболее удобный для передвижения по лесу, и дальше топал берегающим силы шагом. Света, несмотря на небольшие размеры фонарика, вполне хватало, чтобы загодя заметить упавшее поперек дороги дерево или опасную промоину, так что идти удавалось без серьезных задержек.

Взглянув на часы, Алексей хмыкнул: уже два часа топает, а кажется, будто и получаса не прошло! Ни усталости, ни сна ни в одном глазу. Стресс на него так подействовал, что ли? Если да, то хреново, нужно срочно привалиться минут на тридцать, а то надорвется и завтра будет никакой, что в его ситуации недопустимо. Накроет откатом и проваляется полдня, теряя драгоценное время. Решено, устраиваем привал! Заодно и ревизию имущества проведем.

Некоторое время Леха еще двигался вперед неспешным шагом, подбирая подходящее для стоянки место. Неожиданно откуда-то ощутило потянуло свежестью и влажной землей, и парень различил едва слышимое журчание. Сориентировавшись, он свернул в направлении звука. Спустя минуту впереди блеснула серебром поверхность воды. Продравшись сквозь заросли, Степанов остановился, поводя вокруг себя фонарем. Крохотную полянку, укрытую с трех сторон густым кустарником, прорезало русло неглубокого лесного ручейка, струящегося по выстланному окатанной калькой дну. Поверхность живой своей жизнью воды легонько рябила в луче света. Ух ты, вот это удача! Просто райское местечко. Для привала, а то и ночевки самое то. Палатку тут, конечно, не поставишь, места не хватит, а вот привалиться под кустиком – вполне. Еще б костерок развести, но опасно, огонь, даже в лесу, издали заметен, да и дым демаскирует – будь здоров.

Сбросив на землю негромко звякнувший рюкзак, десантник опустился рядом, с наслаждением вытянув ноги. Как-то сразу накатила, туманя разум и делая тело ватным, усталость, загудели натруженные мышцы. Вот и откат, только что-то слишком уж быстро. Нда, похоже, сегодня он уже никуда не пойдет... С другой стороны, возможно, так и лучше, в лес он зашел достаточно глубоко, а отдохнуть нужно как следует. Уж больно много всего произошло, даже удивительно, что он вообще мозгами не двинулся. И ведь ничего не закончилось, все, блин, только начинается! Так что умыться, напиться, благо воды теперь немерено – и отдыхать до утра. Иди знай, что ждет завтра, силы могут ой как пригодиться. Но сначала глянем, что внутри вещмешка.

Зажав фонарик в зубах, Леха развязал тугой узел и вытряхнул содержимое на траву. Так, что тут у нас? Две жирные от остатков наспех счищенного солидола полукилограммовые банки консервов без этикеток, видимо, с тушенкой, он подобные и по собственной армейской службе помнил. Холщовый мешочек с крупными сухарями, который он поначалу принял за табачный кисет. Приятные находки, на первое время харчем он разжился. Поехали дальше – нехитрые «мыльно-рыльные» принадлежности: вафельное полотенце с размытым фиолетовым штампом части в углу, обмылок в оранжевой целлулоидной мыльнице со звездой на крышке и футляр с безопасной бритвой – лет двадцать назад подобной еще пользовался его отец. Завернутые в потрепанную газету портянки, стираные, но чистые. А вот и духовная пища, она же источник бесценной информации относительно того, где он находится. Точнее, *когда*. Ну, в смысле, в каком году. И его собственные сегодняшние приобретения, два автоматных диска и четыре оборонительные гранаты «Ф-1», внешне нисколько не изменившиеся за семьдесят с лишним лет.

Придирчиво проверив, не сошлись ли ненароком усики предохранительных чек, Степанов отложил «лимонки» в сторону. Таскать гранаты с ввернутыми запалами в вещмешке вместо подсумка, конечно, небезопасно, но не разряжать же их? Мало ли что произойдет, в бою противник ждать, пока он их обратно вкрутит, не станет. Да и сами запалы деть некуда, не в кармане ж носить, это вовсе верх идитотизма. Может, патроны из дисков выщелкать и в наружный карман «сидора» пересыпать, к чему лишний груз тащить? Автомат ему вряд ли светит найти, да и не факт, что они подойдут без индивидуальной подгонки – как оно с «ППД-40» обстоит, неизвестно, а вот у «ППШ» подобная проблема точно имелась, об этом он когда-то читал.

Неожиданно поймав себя на мысли, что начинает подсознательно тянуть время, Леха тяжело вздохнул и протянул руку к газете. Ладно, чему быть, того не миновать. Степанов развернул помятый, местами надорванный лист желтоватой газетной бумаги и осветил шапку, едва ли не против воли затаив дыхание. Название «ИЗВЕСТИЯ» набрано заглавными буквами, ниже, шрифтом поменьше, подзаголовок «Советов депутатов трудящихся СССР». И еще ниже, вовсе уж крошечными буквами и циферками: «среда, 11 июня 1941 г.».

«Одиннадцатое июня одна тысяча девятьсот сорок первого года», – беззвучно шевеля губами, чуть ли не по слогам прошептал Леха, еще раз пробегая взглядом коротенькую строчку.

Вот все и встало на свои места. Судя по потрепанности страниц, газету вряд ли носили в вещмешке больше двух, максимум трех недель, иначе от бумаги такого качества одна труха бы осталась. Значит, сейчас или конец июня, или начало июля, ошибка практически исключена. Каким-то невероятным образом он провалился в нереально далекое прошлое, в начало Великой Отечественной войны, самой страшной и кровавой войны в человеческой истории.

Посидев, бездумно глядя на ручеек, несколько минут, парень взял себя в руки, заставив заняться делами. Ну, подумаешь, узнал, что сейчас и на самом деле лето сорок первого! Можно подмать, то, что на дороге видел, не доказательство! Прекрасно все понимал, просто поверить до конца, до самого доньшка, не желал. Но против фактов не попрешь, факты – они вещи такие, упрямые... А вот пожрать нужно, крайний раз он ел, так уж получается, аж вчерашним вечером, перед тем, как спать в геологическом лагере завалиться.

Не испытывая особого аппетита, Леха вскрыл ножом одну из банок и съел половину, зачерпывая размякшую от жары тушенку сухарем – ложки не было, а ножом есть несподручно. Запив скудный ужин водой из ручья и наполнив флягу, он умылся, запихал нехитрый скарб обратно в «сидор» и завалился спать. На всякий случай уложив под руку пистолет с загнанным в ствол патроном и одну из гранат. В одной тельняшечке он под утро, несмотря на июнь, порядочно задубеет – лес кругом, да и от ручья сыростью тянет, но на сооружение какого-нибудь укрытия вроде шалаша просто не было сил. Ни моральных, ни физических, причем не

поймешь, каких больше... ну, или меньше, смотря с какой стороны посмотреть... диалектика, мать ее за ногу.

С этой глубокой мыслью десантник и погрузился в сон, на удивление безмятежный и лишенный всяких сновидений.

Интерлюдия. Будущее, 2198 год

РАПОРТ № ... СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Настоящим сообщая о чрезвычайном происшествии категории «А», имевшем место 25 июня 2198 года. Во время проведения регламентных технических работ в квадрате «СВ434» был утерян бикоординатный бакен дальнего наведения за серийным номером 232432-87902 (инвентарный номер согласно внутреннего регистра – СВ434-432-902).

Происшествие имело место в связи с непредсказуемым стечением обстоятельств, а именно электромагнитной вспышкой в гелиосфере местной звезды, с точностью до 0,05 стандартной секунды совпавшей по времени с запуском тестовой программы погружения бакена в воронку нелинейного пространства. Согласно результатам изучения обстоятельств случившегося выяснено, что всплеск электромагнитного излучения в момент погружения в гиперпространство привел к сбою в логических сетях объекта, критической ошибке программы навигационной привязки в системе трехмерных координат и хаотическому, то есть нерегулируемому и не отслеживаемому доступными техническими средствами, гиперпрыжку.

В связи с приведенными выше обстоятельствами в настоящее время и при помощи доступных технических сил и средств отследить фактическое местонахождение пропавшего бакена, равно как и точку его возможного выхода («финишной воронки») в обычное пространство, никоим образом не представляется возможным.

Примечание: пропавший ГПП-маяк номер 232432-87902 (СВ434-432-902) являлся бикоординатным (финишным) бакеном дальнего наведения, питаемым интегрированным преобразователем гравитационных возмущений. Срок действия и ресурс энергоблока не ограничен, радиус действенного покрытия – более 12,5 стандартных световых (лет). Статус системы в стандарте «двойных» координат не определен, что означает невозможность определить, находится ли в настоящее время утерянный маяк в трехмерном космосе либо остался в искривленном (парадоксальном) пространстве. Поскольку фактически виновным в ЧП никто признан быть не может, мною вынесено решение о применении к дежурной технической смене дисциплинарного взыскания. Подробный технический отчет о произошедшем (поэтапное ретроспективное воссоздание картины случившегося по данным бортового регистратора корабля, автономную телеметрическую запись тест-блока ГППМ, хронологическую привязку событий с точностью до $0,05 \pm 0,001$ сек.) к сему прилагаю. При необходимости готов прибыть для личного доклада и проведения расследования обстоятельств случившегося.

Заместитель начальника Космографической и Координатно-навигационной службы ВКФ по сектору «СВ», капитан первого ранга Иванов С. Г.

Глава 3

*Сергей, ты горшишь! Уповай, человек, Теперь на надежность
строп...*

В. Высоцкий

Проснулся Леха от сырого холода, проникшего, казалось, в каждую клеточку замершего тела. Видимое в разрывах ветвей небо уже начало светлеть, между стволами деревьев висел густой предутренний туман, напрочь скрывавший даже самые высокие кусты. Неглубокий овражек, по дну которого катил воды ручей, тоже скрылся в плотном молочно-сером мареве. Сколько сейчас времени, парень не знал: наручные часы, хоть и исправно отсчитывали минуты, оставались настроенными на время «его мира», показывая два часа пополудни. Не часы, одним словом, а таймер какой-то...

Степанов с кряхтением поднялся на ноги и проделал укороченный гимнастический комплекс, разогревая мышцы и разгоняя по жилам застоявшуюся за холодную ночевку кровь. Немного полегчало, сковывающая мышцы вялость отступила, и парень решил завершить зарядку водными процедурами. Поколебавшись, он стянул пропотевшую тельняшку и расшнуровал ботинки. С удовольствием поплескавшись в ручье – сегодня вода казалась вовсе уж ледяной, но это только бодрило, – Леха простирнул носки, намотал на ноги портянки и обулся. Вроде неплохо, жмет немного, но это с непривычки, расходится. Ноги нужно беречь, это азы и для туриста-любителя, и для профессионального геолога или разведчика-диверсанта. Потому топтать в пропотевших носках несколько дней подряд неправильно. Без нормальных носок или портянок даже самая расхоженная обувь начнет рано или поздно натирать – и все, отбежался. С растертыми в кровь ногами ты не ходок.

Натянув на просохший торс тельник, Леха ощутил себя практически в норме. Добив вчерашнюю банку тушняка, тщательно отмыл жестянку в ручейке и решился вскипятить воду. Уж больно хотелось порадовать желудок хоть чем-нибудь горяченьким, пусть даже и пустым кипятком. Припомнив армейскую науку, настрогал сосновых щепок и развел крохотный бездымный костерок, незаметный даже с нескольких метров. Вода закипела быстро, и Степанов с удовольствием запил ранний завтрак горячей водой, все еще пахнувшей жиром. Все, вот теперь он точно ожил, можно топтать дальше.

Замаскировав ямку с прогоревшими углями, он запихнул в «сидор» закопченную жестянку – пригодится еще, все равно ни котелка, ни кружки в наличии нет, – сменил воду во фляге и прицепил ее вместе с кобурой на пояс. Портупею убрал в вещмешок – жалко выбрасывать. Туда же отправился и геологический молоток, дальше таскать который на ремне смысла не было, в качестве оружия ближнего боя и ножа хватит. Несколько секунд размышлял, что делать с мобильным, экран которого все так же высвечивал безрадостное «поиск сети». Выключить ради экономии батареи и запихнуть подальше в «сидор» или оставить в кармане? Тоже, разумеется, выключенным? Неожиданно в голову пришла интересная мысль: в качестве средства связи телефон в ближайшие пятьдесят с лишним лет абсолютно бесполезен, но ведь камеру с фотоаппаратом-то никто не отменял! Если по пути встретится что-нибудь заслуживающее внимания, например скопления немецкой техники, можно и сфотографировать. Или даже на видео снять, вдруг пригодится, допустим, в качестве разведанных. Главное, не забывать после съемки мобильник выключать и следить, чтобы батарея не разрядилась, поскольку с зарядкой дело обстоит так же, как и с сотовой связью, то есть никак. Решено, отключаем и носим при себе. О, кстати, нужно включить «режим полета», тогда телефон не станет садить батарею, разыскивая ближайшую соту! Внеся необходимые изменения в настройки, Леха отключил мобильник и запихнул его в карман.

Вот, собственно, и все сборы. Как любила говорить покойная бабушка, «нищему собраться – только подпоясаться». Проверив оружие, Леха переправил в карман одну из гранат, автоматически оглядел место ночевки на предмет забытых вещей и демаскирующих следов и двинулся в направлении «куда-то на восток». За сегодня он, кровь из носу, должен постараться максимально приблизиться к линии фронта, иначе просто нечего будет жрать.

Первый час пути прошел быстро – отдохнувший за ночь парень двигался без остановок и с приличной для леса скоростью, благо туман уже истаял. О том, что идет война, напоминала лишь оживившаяся с рассветом орудийная канонада, глухо рокочущая впереди. Судя по тому, что винтовочно-пулеметной стрельбы слышно не было, Степанов решил, что до фронта никак не меньше десяти километров, скорее всего, больше. Зато пушки лупили с завидным постоянством, практически каждую секунду на востоке приглушенно бумкал очередной взрыв.

А затем над головой раздался мерный гул множества авиационных моторов. Леха дернулся было, собираясь отыскать укрытие, однако тут же понял, что самолеты летят слишком высоко, чтобы представлять опасность. Да и вообще, не лес же они собрались бомбить? Все их цели там, далеко впереди, где канонада. Или еще дальше, если они идут на бомбардировку тыловой инфраструктуры наших войск или мирных городов. Выбравшись на небольшую поляну под открытым небом, десантник поднял голову, рассматривая идущие девятками двухмоторные бомбардировщики, выше которых мельтешили истребители воздушного прикрытия. Скрипнув зубами, Алексей проводил немецкие самолеты ненавидящим взглядом: летают, суки, как у себя дома! Словно вообще ничего не боятся! Ну, и где же, интересно, наши прославленные «ястребки»? Как там их, «Сталинские соколы», что ли? Неужели и на самом деле, как писали историки, почти все сгорели на аэродромах в первые сутки войны? А большую часть тех, кто все же успел взлететь, сбили уже в воздухе?

Словно отозвавшись на его мысленный призыв, к немецким порядкам рванулись, пронзительно звеня работающими на высоких оборотах моторами, три тройки небольших широколобых самолетиков. Прищурившись, парень разглядел на нижних поверхностях несущих плоскостей крохотные алые звездочки и злорадно ухмыльнулся: ну, сейчас наши фрицев прищучат! Поначалу все так и шло. «Ишачки» – вспомнил Леха ласковое прозвище этих истребителей – разделились и тремя звеньями атаковали крайние в строю бомбардировщики. В авиации Леха особенно силен не был, за исключением разве что военно-транспортных «Ил-76», с которых их вместе с техникой сбрасывали во время тренировок, но примерно помнил, что в начале войны наши летали звеньями по три машины, ведущий и двое ведомых. А немцы, кажись, работали исключительно в паре.

Первый бомбер сбили почти сразу: самолет густо задымил правым двигателем, неуверенно рыскнул из стороны в сторону и клонул носом, устремляясь к земле. Несколько мгновений – и его закрутило вокруг оси, охваченное пламенем крыло отломилось, и бомбовоз почти вертикально рухнул вниз, оставляя за собой жирный черный шлейф. Несмотря на приличное расстояние, Степанов ощутил, как тяжело вздрогнула под ногами земля, отзываясь на одновременную детонацию двух тонн бомб. Спустя несколько секунд пришел и приглушенный лесом гул мощного взрыва.

«Нехило рвануло, – отстраненно подумал парень, продолжая с замиранием сердца наблюдать за разворачивающимися в небе событиями. – Как бы лес не загорелся, лето на дворе, самая сушь, только этого мне для полного счастья не хватало! От лесного пожара хрен убежишь, это любой турист знает».

Но вот дальше события пошли как-то совсем не так, как он ожидал: советским пилотам удалось обстрелять еще один бомбовоз, однако падать он отчего-то не стал, развернулся по широкой дуге и потянул в обратном направлении, дымя поврежденным двигателем. Зато загорелся один из «И-16», на котором сосредоточили огонь стрелки бортовых пулеметных устано-

вок сразу нескольких бомбардировщиков. Остальные «Ишачки» торопливо порскнули в стороны, выходя из-под огня и теряя строй.

«Блин, да ведь у них же радиостанций нет! – вдруг вспомнил Алексей, с яростью сжав кулаки. – Как теперь строй восстанавливать? Или они поодиночке охотиться станут?»

Охотиться поодиночке им не дали. Не прошло и нескольких секунд, как сверху, тонко подвывая переведенными на максимальные обороты движками, рванулись с пологого пикирования истребители прикрытия. Еще мгновение – и над головой завертелась смертельная карусель воздушного боя. Вот только вели в этой игре на выживание, увы, отнюдь не «Сталинские соколы». Потерявшие всего две машины (причем безвозвратно – лишь одну, вторая, скорее всего, благополучно дотянет до аэродрома) бомбардировщики же спокойно легли на прежний курс, прекрасно понимая, что русским сейчас не до них.

Бой длился от силы пять минут. Нашим удалось завалить всего одного фрица – правда, завалить качественно, вниз только обломки фюзеляжа да оторванные плоскости посыпались, – после чего небо очистилось. Когда от девяти «Ишачков» остался всего один, торопливо улетающий на восток, Степанов с тоскливым вздохом прикрыл глаза. Вот и все... а он-то радовался! Прищучили, ага! Так прищучили, что из девяти машин аж один самолет уцелел!

Ладно, нужно идти дальше. Переживать можно и на ходу, все равно этим ни себе, ни погибшим пилотам не поможешь... Бросив в небо прощальный взгляд, парень успел заметить белое пятно купола, стремительно сносимого ветром куда-то в сторону. Висящий на ремнях подвесной системы пилот отчаянно дергал руками правую группу строп, видимо, не справляясь с управлением парашютом.

«Бойтся на лес приземляться, бедняга, – автоматически отметил Алексей, засекая направление. – И правильно делает, что бойтся, хреновая это штука. Его ведь наверняка такой посадке не учили, так что если руки-ноги не переломает – значит, повезет. Похоже, где-то совсем недалеко отсюда плюхнет. Хотя нет, какое там плюхнет, сто пудов на дереве повиснет. Главное, чтобы со стропорезом не переборщил, когда освободиться станет, обидно, если ногу уже на грунте сломает».

Убедившись, что пилота относит именно туда, куда он и предположил, Леха побежал вперед, защищая выставленной перед собой согнутой в локте рукой глаза от хлещущих веток.

Летчика Леха искал почти час. То ли с направлением он все же ошибся, то ли, что скорее, ветер в последний момент все-таки отнес того в сторону, но обнаружил пилота Степанов не сразу и исключительно благодаря ненормативной лексике. В том смысле, что уж больно громко матерился запутавшийся в стропах и ремнях подвесной системы летун. Пока нарезал по лесу круги, успел наспех продумать какую-никакую легенду – вчера как-то не до того было. Более менее адекватных и, что самое важное, труднопроверяемых даже на уровне армейской контрразведки вариантов придумалось два. Первый – прикинуться уцелевшим новобранцем из той самой разгромленной колонны, описать которую он сможет в мельчайших подробностях – мол, следовал вместе с другими к месту назначения, да не доехал, попав под авианалет. Красноармейскую книжку, форму и оружие выдать не успели, гражданские документы забрали еще в военкомате. Обычный бардак первых дней войны, этим сейчас никого не удивишь. Близким взрывом его выбросило из кузова, что и спасло жизнь, поскольку полуторка полностью сгорела. Когда очнулся, была уже ночь, вокруг – одни трупы. Уцелел ли кто-то, кроме него, – не знает, если и уцелел, то ушел после налета, посчитав его мертвым. Сколько провалялся без сознания – понятия не имеет (вот и вполне подходящий повод определиться с конкретной датой). Штык, фляжку, кобуру с пистолетом и «сидор» с гранатами снял с убитых. Пробирается в сторону линии фронта, к своим. Для верности и ради оправдания полного незнания местности можно еще добавить, что сам он не местный, здесь оказался случайно, а после начала войны пошел в ближайший военкомат записываться добровольцем, поскольку в армии отслужил еще пять лет назад, ВУС имеет.

Второй вариант – остаться тем, кем он и является, то есть геологом. Серьезный плюс данной легенды – его собственные знания и навыки, любую проверку пройдет, если, конечно не станут выяснять имена-фамилии деканов и однокурсников. Зато не придется выдумывать себе гражданскую профессию. Жил и работал... да хоть в Туркестане, лето там длинное, все сезоны проводил в горах в составе геологоразведческих партий. С остатками басмачей, опять же, сталкиваться приходилось, так что с оружием на «ты» и стреляет неплохо. И пойдешь проверить, так ли оно на самом деле, Туркестан отсюда ну о-о-очень далеко. Сюда послали в командировку, искать выходы белой глины – каолина для фарфорового производства, изготовления огнеупорного кирпича и передовой советской фармакологии. Глину не нашли, одни болота да комары кругом, даже о начале войны не сразу узнали. Решили идти к ближайшему населенному пункту, где имеется военкомат, по дороге напросились пассажирами в армейскую колонну, но ту разбомбили немцы. Уцелел ли кто из группы – не знает, поскольку был контужен и в бессознательном состоянии выброшен из кузова. Дальше, собственно, так же, как и в первом варианте: документы и вещи сгорели, оружие и снарягу снял с убитых, сейчас пробирается к своим, поскольку не собирается оставаться в стороне и хочет бить фашистского агрессора.

Обнаружив летчика, Леха несколько секунд не выходил на открытое место, с интересом вслушиваясь в витиеватые словесные конструкции, в итоге признав, что в его времени матерятся попроще. Выбравшись из зарослей, парень задрал голову, разглядывая застрявшего в кроне могучего дерева в пяти метрах от земли пилота в темно-синем летном комбинезоне. Не так и высоко для тренированного человека, но если не умеешь грамотно группироваться при приземлении, ногу запросто сломаешь. Или руку, на выбор. Степанова истребитель не видел, поскольку висел к нему спиной.

– Здорово, летун! Висишь?

Пилот на миг замер, затем дернулся, пытаясь одновременно развернуться к Алексею лицом и расстегнуть клапан сползшей почти на поясницу кобуры.

– Да не трепыхайся ты так, или сорвешься, или еще больше запутаешься! Свой я, свой! Был бы немцем, уже стрельнул бы, – торопливо сообщил Степанов, обходя дерево так, чтобы пилот смог его рассмотреть. – Видел, как тебя сбили, вот и побежал, как чувствовал, что повиснешь. Не ранен, кстати?

– Да вроде нет, только руку немного вывихнул, – буркнул тот, оставив попытки достать оружие. Нарочито-фамильярное обращение на «ты» он проигнорировал. – Помочь сможешь? Запутался я, а нож обронил. Ты поищи в траве, вон там примерно, – он указал направление левой рукой, при этом болезненно поморщившись. – Вот зараза, руку стропой затянуло, двигать больно.

– Немного вывихнул, говоришь? Вот тут ты не прав, «немного вывихов» не бывает, связки наверняка растянул, хорошо, если сустав не пострадал и руку вправлять не придется, – поучительным тоном сообщил Степанов.

Наезд – что уж скрывать, именно наезд! – он провел по всем правилам, поскольку еще в десанте понял, что младших командиров, не говоря уж про отсутствующих в Красной Армии как класс прапорщиков, нужно сразу ставить на место, иначе прочно сядут на шею, да еще и ногами болтать начнут. Или задолбают мелкими придирками. И вообще, чем крепче их прижмешь вначале, тем меньше будет вопросов потом. Это аксиома. Исключения, конечно, встречаются, например тот самый взводный, что сравнивал умытого десантника с отремонтированной «бээмдэ» – такого прижмешь, ага! Легендарный старший прапорщик «Спать Не Придется», тренировавший еще бойцов афганских призывов. Как там у классика, «глыба, а не человек»! Одни кулачищи чего стоят. Эх, его бы сюда, он бы точно немцам неслабую веселуху устроил...

Улыбнувшись подзабытым воспоминаниям, Степанов сбросил вещмешок и пошурудил в траве, быстро найдя потерянный стропорез, к его удивлению оказавшийся вовсе не привыч-

ным по службе в десанте двояковогнутым клинком с волнистой серейторной заточкой, а самым обычным односторонним ножом, напоминающим финку с бакелитовой рукояткой. Заточенным, между прочим, так себе. Не, на фиг, он лучше своим штыком воспользуется.

– Сможешь помочь? – подал голос с тревогой наблюдающий за ним летчик. – Похоже, самому мне не выпутаться, стропы сильно переклестнулись и за сломанные ветки зацепились.

– Смогу, – пожал плечами Леха, прикидывая расстояние до нижних ветвей. – Подожди немножко, я сейчас.

Коротко разбежавшись, он подпрыгнул, ухватился за нависший над головой толстенный сук и силовым выходом подбросил тело вверх. Спустя полминуты десантник уже стоял на опасно прогибающейся ветке в метре от пилота.

– Ого, лихо это ты! – одобрил тот. – Физкультурник, что ль?

– Угу, – чуть запыхавшимся голосом ответил Степанов. – Не крутись, сейчас я тебя к себе подтяну, за ветки схватишься, потом с подвеской разберусь. Когда скажу, грудную перемычку расстегнешь, остальное сам сделаю. Только осторожно, двоих этот сук не выдержит, так что вон туда наступай. Хорошо?

– Добро, – кивнул пилот, нащупывая пальцами замок пересекающего грудь ремня. – А ты, гляжу, здорово в парашютах разбираешься.

– Ага, я ж в... э... парашютную секцию ОСОАВИАХИМ еще в школе ходил, – едва не произнес «в воздушном десанте служил», ответил парень, надеясь, что пилот не заметил крохотной заминки. Вроде пронесло, не заметил. А про этот самый ОСОАВИАХИМ он вовремя вспомнил! Или нужно было говорить ДОСААФ? Нет, вроде ДОСААФ позже появилось. – Готов?

– Готов, – коротко кивнул пилот.

Рывком притянув к себе летчика, Леха помог ему утвердиться на достаточно толстом суку и, не отпуская сжимавшей ремни руки, полоснул ножом по лямкам, освобождая от привязной системы. Отточенное лезвие с легкостью перерезало способные выдерживать полутоннажную нагрузку ремни, и пилот сделал несколько торопливых шагов вперед, обхватывая руками шершавый древесный ствол. Спустя минуту оба были уже внизу. Летчик в изнеможении опустился на землю, привалившись спиной к комлю:

– Спасибо, товарищ! Уж и не знаю, как бы сам выпутывался...

– Да выпутался бы, тут главное – знать, в какой очередности ремни резать, а то и упасть недолго. Вроде и невысоко, но если ногу сломать, то все, из лесу без помощи не выберешься. Пить хочешь? – Он протянул пилоту флягу, к которой тот с жадностью приложился.

– Еще раз спасибо. – Леха принял ополовиненную емкость. Блин, такими темпами нужно будет снова воду искать!

Минут с пять летчик сидел молча, устало прикрыв глаза. Степанов его не тревожил, решая, как отвечать на вопрос о том, кто он, собственно, такой. В смысле, какую версию выбрать? Кстати, про тельняшку не забыть: сказать, к примеру, что у него батя на флоте служил, вот и приучил сына к моряцкой одежке.

– Ну что, давай знакомиться, что ли? – нарушил молчание летун, повернув к Лехе покрытое разводами масла и грязи лицо. – Сержант Борисов, тридцать третий ИАП. Василием звать. – Он первым протянул ладонь.

– Тоже сержант, только запаса, Степанов, пехота. Алексей. – Парень крепко пожал протянутую руку. – Не поверишь, геолог я. В командировке был, когда все это, – он многозначительно крутанул головой, – началось. Из всей партии один я и уцелел, скорее всего. Хотя точно сказать не могу, если честно.

– Почему не можешь? – напрягся летчик. – Как это?

– А вот так... – Леха вкратце озвучил легенду о безрезультатных поисках белой глины, разбомбленной колонне и собственной контузии. – Так что даже не знаю, какое сегодня число.

– Ну, число сегодня двадцать седьмое июня, год, сам понимаешь, сорок первый, – глядя вдаль, рассеянно пробормотал Борисов. – А про колонну не врешь, видал я ее, вчера еще. Там замыкающим броневтомобиль шел, верно?

– Верно, – кивнул Леха. – В нем я «сидором» и боеприпасами разжился, а уж нож и пистолет с погибших снял. Мехвода убило, остальные, видать, спаслись.

– А чего документы у погибших не забрал? – неожиданно спросил пилот. – К немцам ведь попадут.

Несколько секунд Леха молчал, вспоминая намертво впечатавшуюся в память картину разбросанных вдоль дороги изуродованных тел, затем нехотя ответил:

– Знаешь, Вася, просто не смог. Они ж там почти все... ну, это, куски одни, короче... у кого головы нет, у кого рук или ног, кто вовсе напополам разорван... и запах еще, жара же стоит... когда про документы вспомнил, заставить себя вернуться уже не смог...

– Понимаю. – лейтенант отвернулся. – Наверное, я б и сам не смог. Ты раньше воевал?

– Откуда? Срочную отслужил – и в запас. И Халхин-Гол, и финская уже после были. В геологический поступил, окончил, дальше по всей стране мотался. Потом сюда отправили. А тут война.

– Вот и я тоже не воевал... почти. В третьем боевом вылете сшибли. Так никого и не сбил...

– Собьешь еще, война только началась. Ладно, сержант, идти нужно. Воды у нас почти не осталось, провизии тоже, а сколько еще до фронта – хрен знает. Давай я тебе руку посмотрю, да и двинем? Добро?

– Ага, – запросто согласился тот. – А ты что, и в медицине разбираешься, геолог-физкультурник?

– Вася, я не первый год по самым глухим уголкам страны мотаюсь! По горам, по тундре, по тайге. До ближайшего жилья или просто дороги порой тыщи километров. Как думаешь, учат нас друг другу помощь оказывать? Так что бросай ты на хрен свою подозрительность, то, что мои документы немецкий бомбер вместе с машиной спалил, еще не означает, что я диверсант и шпион! И вообще, было бы таких, как ты, в воздухе побольше да воевали б вы получше, глядишь, и колонна бы уцелела...

– Заткнись! – Парень с алыми треугольниками на голубых петлицах, видневшихся из отворота комбинезона, неожиданно взглянул на Леху бешеным взглядом. – Не был ты в моей шкуре и моли кого хочешь, чтобы там не оказаться! Наш полк в ночь на двадцать второе почти начисто сожгли, прямо на аэродроме! Самолеты крыло в крыло стояли, ни маскировки, ни хера! Лучшие пилоты полегли! И не только у нас такое, у соседей тоже. Сегодняшний бой видел? Это сводная группа была, из уцелевших, по одной-две машины собирали, чтобы хоть одну эскадрилью в небо поднять... – Летчик неожиданно замолчал и, набычившись, отвернулся, глухо пробормотав себе под нос: – Так что не лезь куда не нужно, не твоего ума дело.

– Ладно, извини, летун. – Степанов легонько сжал летчику плечо. – Погорячился, обидно сказал. Просто никак та колонна из памяти не идет. Давай руку гляну, и уходим. Кстати, сержант, у тебя карта имеется?..

Глава 4

Мы с тобой, моя граната, В бой за Родину пойдём...
В. Гусев

Карты у пилота не имелось – из-за вызванного полнейшей неразберихой тотального дефицита их выдавали только командирам эскадрилий и ведущим звеньев. Ведомые должны были запоминать местность перед полетом и не отрываться от ведущих. На память Борисов не жаловался, но в данной ситуации это ничем помочь не могло: в горячке боя пилот сразу же потерял привязку к наземным ориентирам. Да и не привязывался он, если честно, ни к каким ориентирам, боясь поломать строй или пропустить сигнал звеньевого. А потом, когда сиганул с парашютом из охваченного огнем «Ишачка», и вовсе не до того было. Вроде видел неподалеку небольшую речушку и пару грунтовых дорог, но смутно все, поскольку мысли занимала посадка на лес, с его тремя тренировочными прыжками на ровное поле представлявшаяся крайне серьезной проблемой.

Зато часы и протенский компас у Борисова были, так что Леха наконец определился со временем. Собственные наручные часы, знаменитые «Штурманские» Московского часового завода, подаренные отцом на дембель, он прятать не стал. Между прочим, одного из «военных» выпусков по заказу Минобороны, до начала восьмидесятых не поступавших в свободную продажу! Никаких новомодных картинок и надписей, просто стальной корпус с потертым стеклом, стрелки с секундомером, название и символический значок ВВС в виде крылышек со звездой. Когда-то Степанов читал, что до войны наручные часы считались жуткой роскошью и стоили немало, являясь предметом награждения отличившихся, но и скрывать их не собирался. В конце концов, может, его как раз за выдающиеся геологические заслуги и наградили! Тем более хронометр благополучно прошел с батареей весь Афган и, по его собственным словам, приносил удачу в бою – может, и ему тоже принесет?

Вооружен летчик был таким же, что покоился в Лехиной кобуре, «токаревым», так что вопрос с боепитанием и вовсе не стоял – патронов в отличие от еды и воды было навалом. Развязав вещмешок, десантник выдал удивленному пилоту автоматный диск. Ну, а что? Один из основополагающих туристических законов – носимый груз делить на всех, ага. Тушенку Алексей пока не светил, вот протопают часика три, тогда и обед настанет. По расписанию...

Сориентировавшись по компасу, двинулись четко на восток, в направлении канонады. Спустя час лес поредел, и началась заболоченная местность, которую решили от греха подальше обходить стороной. Еще через сорок минут Леха понял, отчего падение сбитого бомбера не вызвало лесного пожара: немецкий самолет рухнул в болото, где и рванул, оставив от себя здоровенную, метров двадцати в диаметре, воронку, заполненную темной водой с ключьями плавающей на поверхности ряски и ветками, срезанными осколками и ударной волной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.